

Слабые мстят, сильные прощают

ВЗГЛЯД

ВОПРЕКИ

НАТАЛИЯ КОРОТАЕВА

18+

Наталия Коротаева

Взгляд вопреки

«Автор»

2026

Коротаева Н. М.

Взгляд вопреки / Н. М. Коротаева — «Автор», 2026

На этот раз Франц Бебель берется за журналистское расследование, надеясь отстоять свою карьеру, но взять реванш у судьбы не так просто: цена оказывается слишком высокой — предатель среди близкого круга. Новое дело приобретает личный характер. Выход только один — поступиться своими моральными принципами. Так ли просто пойти на сделку с совестью или всё же навсегда попрощаться с карьерой? А на улице Амстердама уже найден труп журналиста. Очевидно, допущена ошибка, но где?

© Коротаева Н. М., 2026

© Автор, 2026

Наталия Коротаева

Взгляд вопреки

...– Погибшим оказался журналист, при котором нашли обратный билет на воскресенье, в Берлин, – перевела женщина слова констебля русской девушке...

Глава 1

Мужчина с телефоном в руках уже подходил к своей гостинице, когда в тишине ночной улицы раздался жалобный стон. Он оглянулся, но позади никого не было.

Улица завораживала своей красотой. Это был тихий район Амстердама. Аллея, впадающая в центральный проспект, где-то вдалеке сияла огнями вывесок. Здесь же, у отеля, полумрак казался особенным, таинственным. Мокрая после дождя дорога отражала свет, падающий от домов и зданий, которые были выстроены вдоль аллеи. Идеальную гладь лишь изредка нарушала рябь от ветра, касающегося луж. Фонари не горели, шумных заведений с яркими вывесками не было – этот уголок словно затерялся внутри бурлящего центра города. Только небольшие бутик-отели с внутренними парковками да закрытые на ночь лавки. Кое-где виднелись скамейки с обрамляющими их специально высаженными деревьями. Самое подходящее место для спокойной прогулки. Мужчина всматривался в темноту. Стон повторился – слабый, протяжный. Теперь сомнений не оставалось: ему не показалось. Развернувшись на месте, он внимательно осмотрелся и заметил узкую щель между двумя зданиями. Проход преграждала решетка, но калитка в ней была приоткрыта. Мужчина присмотрелся. В самом проеме было очень темно. Лишь на земле выделялась груда из чего-то бесформенного – по-видимому, из старых одеял или ткани. Звук исходил именно оттуда. Мужчина глазами пробежался по верхам зданий, между которыми был проход, и заметил, что фонарь над самим проходом был разбит.

– Помогите, – донеслось из кучи тряпья. – Помогите, у меня здесь ребенок! Послышался детский плач, и мужчина мигом помчался на помощь.

Протиснувшись через решетку и попав в проем, он заметил, что за углом здания брезжит тусклый свет, благодаря которому с этого ракурса ему хоть что-то удалось разглядеть. Плач ребенка не прекращался, а вблизи лишь стал громче. Мужчина приблизился к бесформенному вороху и резко откинул верхний слой ткани. Слабый свет озарил подобие гнезда из тряпок. Внутри, сжавшись в комок, сидела женщина, но, кроме нее, в этом убежище никого не было, даже ребенка. Прозвучал щелчок, и плач оборвался. Мужчина отчетливо увидел лицо, в полумраке блеснули зубы, и тут его плечо крепко схватили. Он резко обернулся: перед ним стоял человек с тем же лицом, но, вероятно, так быстро предстать перед ним он не мог, мужчина растерялся. «А мы тебя нашли быстрее», – он видел, как открывается рот, а сам звук голоса доносился откуда-то издалека. Сильный удар оглушил его прежде, чем до него дошли последние слова, которые он услышал в жизни, но подумать все же об одинаковых лицах он успел. Впрочем, за размышлениями об этой глупости он потратил последние мгновения, в которые мог бы попросить об отпущении ему всех грехов, а их было немало.

Глава 2

Тремя месяцами раньше

Она шла по вымощенному проспекту, обрамленному красивыми витринами дорогих бутиков мировых брендов. Улица звенела, гарцевала, стояла колом своими яркими огнями, вывесками и декором витрин. Сам по себе проспект был достаточно строг своей наружностью, но ветер, гуляющий между дверей, выдавал дух праздника, ощущение того момента радости, за которым сюда приходили люди с набитыми до отвала кошельками. И от всего этого веяло лоском накрахмаленного белоснежного воротничка, такого же идеального, как созданного в этом месте искусственного мира.

Это место манило: любой хотел прикоснуться к этой нарочитой броскости, к этому яркому свету, стать, быть частью праздника и пусть лишь казаться, лучше казаться, но быть здесь, быть причастным. Любой, каждый, но не она.

Она шла по проспекту лишь оттого, что так ее путь был короче, и шла слишком рано, чтобы не столкнуться с толпами людей, бывающими здесь ежедневно в погоне за счастьем, которое можно было купить.

Разрезы на длинных полах ее пальто расходились при ходьбе, открывая высокие сапоги из мягкой телячьей кожи с зернистой выделкой, а волосы развевались на апрельском ветру, оставшемся все еще прохладным.

Тротуар, выложенный гладким камнем, казался таким идеальным, что она даже не смотрела себе под ноги, а скользила глазами по верхам домов.

Великолепную архитектуру исторического центра города, необезличенных домов хотелось рассматривать бесконечно долго.

Здания, демонстрирующие ей себя чуть сбоку, казались не столь привычными, как если бы она на них смотрела с центрального фасада, отчего были более интересными – узкими, почти плоскими, но зато так лучше читались детали.

Вот дом, украшенный круглой двухэтажной башенкой с устремляющейся вверх пикой. Следом на торцах уже другого красуются крылатые жезлы, обвиваемые змеями. Затем впритык чистый неоклассицизм. Здание, напоминающее итальянское палаццо эпохи Ренессанса с округлыми углами и эркерами. Новые стены и новый темно-серый цвет, придающий торжественную мрачность убранству всего строения.

Резко, своими широкими шагами она сменяла картинку перед глазами.

Вздор, безвкусица. Дом с шатровой крышей, эркерами-теремками, яркими изразцами. И снова архитектура излишеств, но уже в стиле барокко: ряд домов украшали драконий фриз, львиные и кошачьи морды, кариатиды, фигурки младенцев, различные орнаменты. Интересный фасад с ленточными балкончиками быстро перенес внимание с себя на цветные витражи в окнах уже другого здания.

Мансарды, шпили, пилястры, полуколонны, эффектная лепнина, контрастная отделка. Кое-где еле заметные детали – и тут она даже замедлила шаг.

«Кто это там?» – спрашивала она саму себя.

Под крышей здания, в небольшом углублении, сидел чертик с направленным чуть себе за плечо взглядом. Выше дом венчала башенка с часами.

«Без четверти», – она прибавила темп, и все уже понеслось у нее перед глазами, рассматривать больше не было времени.

По крышам зданий, стоящих впритык, катилось солнце, то попадая яркими лучами ей на лицо, то прячась, запинаясь обо что-то.

Она была светла. Белая кожа, ничем не тронутая, с торчащей скулой, ловящей свет, почти прозрачного цвета глаза, пухлые, слегка влажные губы и еле заметный румянец. Как это было по-русски.

Яркость придавалась солнцем, как только на ее лицо попадали лучи. Как только солнце заслоняла тень, лицо становилось прежним: серо-оливкового оттенка с налетом синевы под глазами, и заметна была уже не скула, а тень под ней, лежащая грязным мазком естественного цвета. И только губы оставались такими же – пухлыми и влажными. Взгляд же был тусклым. И лишь теплый воздух, выходящий из ее рта и превращающийся в пар на холоде, кричал о наличии жизни в этой узенькой, тонкой фигурке.

Она была совсем близко. Здание, к которому она подходила, было особенным. Ему как будто придали большое значение те, кто когда-то нарисовал его на бумаге и спроектировал. Сооружение имело пирамидальную форму, создающую ощущение, будто несколько строений стоят совсем близко друг к другу. На самом деле это было единое здание в центре, с возвы-

шенностью в виде пики и с постепенно понижающимися объемами по бокам, чтобы оно вписывалось в общий ансамбль улицы с другими зданиями, которые были ниже по высоте.

Девушка оказалась в просторной парадной, в центре которой располагалась винтовая лестница, приглашающая вверх, с широкими пролетами, каменными ступенями, покрытыми настилом, и массивными перилами. Консьерж вопросительно посмотрел на вошедшую.

– Мне в четыреста первый кабинет, – поторопилась ответить она на повисший в воздухе вопрос, чтобы избавить себя от лишних расспросов.

– На четвертый этаж по лестнице, – с важным видом произнес мужчина, но в его взгляде читалось желание быть нужным, просьба спросить у него хоть что-нибудь, как будто никто до девушки никогда не заходил в эти двери.

Но девушка тут же помчалась по лестнице, посчитав, что кабинет под номером четыреста один – это четвертый этаж, и спросила она консьержа лишь из вежливости.

«К тому же у меня самой немало проблем и нужно было знать, к кому я пришла, чтобы не навязывать решение чужих», – подумала про себя она.

На четвертом этаже среди вереницы дверей открытой настежь была только одна, и девушка направилась к ней. Заглянув в проем между дверью и стеной, она убедилась, что это был нужный кабинет и непроизвольно произнесла, слегка выдавая еле слышный звук с приоткрытых своих губ: «Четыреста первый».

Открытая дверь вела в приемную, в которой возле кулера стояла, склонившись спиной к девушке, худая женщина, она наполняла чайник водой, а за ее фигурой виднелась еще одна дверь, вероятно, ведущая в кабинет.

Девушка шумно провела рукой по проему, чтобы обозначить свое присутствие.

Женщина с чайником в руках спокойно повернулась, будто задолго до этого зная, что девушка позади нее. Со спины казалось, что женщина молодая, но морщины на ее лице, вокруг глаз, рта и на лбу, выдавали возраст. Еще больше девушку смутило, когда та начала говорить совсем юным, необычно звонким, высоким голосом, таким мягким и благозвучным, будто обнимала и ласкала пространство вокруг себя:

– Меня зовут Ангела Леман. Я вас ждала.

На ее лице засияла широкая улыбка, натянувшая все видневшиеся до этого морщины у рта, и даже лоб ее как будто разгладился.

Ненавязчивым жестом Ангела предложила проследовать за ней, и обе они оказались в том самом кабинете, который девушка до этого заметила позади Ангелы, когда та стояла у кулера с водой.

Женщины расположились за журнальным столиком друг напротив друга в удобных креслах, обитых материалом, похожим на бархат. Позади Ангелы, за ее плечом, стояла напольная лампа.

Гостя рассматривала женщину, сидевшую перед ней.

Очень худая. С учетом возраста пятидесяти с небольшим она походила на высохшую мумию. Кожа была настолько сухой и тонкой, что при свете лампы, падающем на фразу сверху, виднелись очертания обтянутых кожей костей скул и нижней трети лица. Все изъязнено, капилляры, вены – все было видно, а верхние ресницы тенью лежали на щеках. В какой-то момент Юлия даже в ужасе перевела взгляд на окно: ей показалось, что перед ней сидит человек без кожи на лице.

Немного отвлекшись, она снова повернулась к Леман.

Сцепленные в замок руки лежали на торчащих из-под юбки коленях, которые подчеркивали худобу женщины. Волосы, собранные в пучок на ее голове, словно стоявшей на шее-пике, походили на полупустые колосья подсохшей на солнце травы. Одетая Леман была опрятно, тяжелые ткани хорошо перекликались между собой текстурами и цветами: винный, глубокий красный, коричневый, горчичный. Велюр, вельвет, бархат, шерсть, ладен. Под жакетом вид-

нелся не один слой надетой под него одежды. Ангела источала один и тот же аромат, словно она и все ее вещи были им пропитаны. Он доносился до ноздрей Юли и был достаточно ярок. Ей даже захотелось вслушаться в аромат, разобрать на нотки.

«Сандаловое дерево, пачули, мускус, ваниль, дуб...», – перебирала она у себя в голове, задумавшись.

Внешний образ женщины и подобранный ею аромат делали ее более зрелой. Однако не совсем еще состарившиеся, но уже потухшие глаза, чего не могла не заметить Юля, ярко светились голубым оттенком.

Наблюдения девушки прервались, как только Ангела заговорила своим звонким голосом. Юля незаметно для собеседницы сморщилась уголками глаз и бровей, все здание будто закрипело, срезонировав ее речи.

– Что вас привело ко мне? – попробовала начать разговор Ангела.

– Не знаю, с чего начать, – стушеввалась девушка, ей больше нравилось просто смотреть, разглядывать, о чем-то думать, и она уже к этому привыкла и никак не хотела начинать разговор.

– Многие сталкиваются с проблемой, когда не знают, с чего начать, – поддержала разговор Ангела, – давайте тогда начнем с того, что вы попытаетесь описать то, что вы чувствуете, – предложила женщина.

– Боль, – тихо произнесла гостья.

Женщина напротив даже не смогла разобрать слово, произнесенное слишком тихо.

– Простите, что вы сказали? – перешла Ангела на тон чуть ниже и стала говорить тише, пытаясь поймать ту волну, на которой говорила девушка, чтобы той было комфортно.

– Я чувствую страх! – сказала Юля.

– Каким образом вы ощущаете его, Юлия? – спокойным, даже слегка магнетическим голосом продолжала говорить Ангела, укутывая все пространство вокруг себя – уже вместе с Юлией – чем-то уютным, и от этого было сложно отказаться.

– Ночными кошмарами, невозможностью плодотворно работать, концентрироваться и вечным вопросом «Почему это произошло?» – дрожащим голосом ответила девушка.

– Что именно? – Ангела была прямолинейна и настойчива, ей необходимо было докопаться до сути.

Это до сих оставалось для Юлии дверью, которую страшно было даже приоткрывать. И все же есть – хоть это и странно, но Юлия в этом убедилась, – есть то, что не дает тебе до конца поверить в то, чего ты сам лично не видел. И хоть Юлия знала, что Эван в тюрьме сидит не просто так, но, зная отдельно Люсель и помня свой ужас от общения с Эваном, у нее все равно никак не укладывалось в голове, что уже не раз озвученное происходило в реальности. И так, наверное, думает каждый человек, который элементарно не способен на подобное. А может, ей только казалось, что она не верит в произошедшее, ведь если бы не верила, откуда тогда такой животный страх даже просто перед мыслью об Эване?

Преодолев зажатость, исходящую из самого горла, где запирающим комком собрались боль, гнев и страх, и проделав усилия, чтобы рассказать Ангеле, что произошло с ее жизнью, девушка услышала то, к чему не была готова.

Несмотря на монолог Юлии, Ангела продолжала вести с ней безмолвный диалог, периодически реагируя на высказывания девушки подергиванием бровей, изменениями в лице и делая короткие заметки в блокноте, лежащем на коленях.

Когда, по всей видимости, Юлия закончила, Ангела, будучи психологом, поняла это. Рассказ человека, сидевшего сейчас напротив Ангелы, можно было представить в трехактовой структуре. Всегда сложно начать говорить. Это прорвавшийся поток, структурированный или нет, но именно поток, в который лучше не влезать, а лишь слушать, человека невозможно в этот момент даже просто перебить или остановить, накал всех страстей как раз-таки где-то

рядом. И вымученный финал с уже потухшим голосом и вопросом, застывшим в глазах: «Как мне быть?» Как раз вот здесь на сцену выходит безмолвный до этого слушатель, наконец-то получивший право говорить. У Юлии же начали высыхать слезы, непрерывно льющиеся до этого момента, сбивавшие ее дыхание и прерывавшие с одинаковой периодичностью на доли секунды ее речь; ее голос стихал, плечи опустились, спина слегка сгорбилась, силы явно покинули ее, а эмоции притупились, с лихвой отыграв во втором акте.

Ангела выдержала паузу, глубоко набрав в легкие воздуха, и, когда наконец заговорила, звук ее голоса будто прорезал помещение, в котором они находились. Юлия, до этого замеревшая, взбодрилась, отчего ее межбровная складка непроизвольно дрогнула.

– Я полагаю, – начала Ангела, – вы никак не предполагаете мой вердикт, но это будет именно вердикт, так как, полагаю, вы встретите его с явным неодобрением и внутренним противодействием, но я его озвучу, а после мы уже разберем его, и я объясню, почему все так сложилось, и мы затронем ваш посттравматический синдром. – Ангела снова сделала глубокий вдох, как будто откуда-то прозвучала команда «ныряем», и четко проговорила: – Единственный способ побороть страх – встретиться с ним лицом к лицу, не иначе.

Глава 3

После случившегося Юлия по-прежнему жила в Берлине. Этот город ни в чем не был виноват, но саму квартиру она вынуждена была сменить. С прежней ее слишком многое связывало, сводящее с ума. Чтобы снять новую квартиру, ей пришлось преодолеть трудности. Сложности были связаны в основном с тем, что за время отсутствия Юлии Сенат в Берлине принял решение, касающееся сдаваемого жилья, согласно которому хозяева квартир больше не вправе сдавать жилье за ту стоимость, которую они считают нужной. Отныне законодательно были определены пороги в зависимости от площади квартир, и дороже этих сумм требовать с постояльцев было нельзя. Конечно, владельцы первым же делом побежали в суд – воевать за право сдавать свою же жилую площадь не под диктовку властей, но суды затянулись на годы. Выиграет скорее частный капитал, но до тех пор пока пороги действуют, и владельцы затаились, а квартирки не сдавались. Юлия с трудом находила в интернете объявления о сдаче жилья, звонила на указанные телефоны. И уже при разговоре выяснялось, что цена, указанная в интернете, например, в пятьсот евро, существенно разнится с запрашиваемой ценой арендатора, так как на сайте был указан установленный порог. И даже договорившись на тысячу евро, хозяева в основном просили оплатить залог за три месяца вперед, сумма залога при этом составляла две тысячи пятьсот евро, а вдобавок ежемесячно нужно было оплачивать всевозможные коммунальные платежи, включая лифт, а это еще около двухсот евро. На все аргументы и попытки договориться хотя бы о снижении суммы залога неприветливые берлинцы могли просто клацнуть трубкой, пробормотав что-то непонятное. Вот так девушка из-за глупости властей повстречалась с чудовищной гримасой жадности местных коммерсантов.

Юлия быстро смекнула, по своей работе в кураторстве она вообще знала точно, что иностранцы, в особенности итальянцы, – прирожденные продавцы всего, могут помочь в силу своих возможностей, разумеется. Как говорится, «моя доброта к вам будет безгранична в силу моих возможностей». Однако знакомых итальянцев у Юлии не было.

Их у нее вообще почти не было. И в таком знакомом Берлине тоже не нашлось. Или, скорее, они находились, но совершенно как-то необычно, а потом пугающе исчезали из ее жизни. Люсель, Стефан, Швириш, Эван, Бебель...

Бебель, пожалуй, единственный знакомый ей в этой стране человек, и вроде не присутствующий, но и не исчезающий. Такой, будто был и не был одновременно.

– Точно, Бебель! – воскликнула она вслух, будто выпутавшись наконец-то из захватившей ее паутины воспоминаний, сожалений и глотнув воздух освободившегося пространства.

Звонить ему спустя год. Такому малознакомому человеку, да еще наверняка с ней у него связаны не самые приятные воспоминания. Смятения преследовали ее. Стыд, страх, неловкое чувство собственной навязчивости. Она сто раз в голове прокручивала, представляла, как звонит ему на сотовый, а он берет трубку. А дальше? Что она сказала бы, она не знала. Точнее – знала. Ей нужна квартира. Но не могла же она так скоро перейти к делу. Нужно обязательно представиться, напомнить, откуда она его знает. Однако как только Юлия начинала воспроизводить этот диалог в голове, то понимала, как глупо в этот момент будет выглядеть. Из-за этих мыслей через каждое слово ей хотелось добавлять: «Извините, пожалуйста», и это казалось еще более неуместным. Как будто бы такое чересчур извиняющееся поведение могло навести кого-то на страшные предположения о том, что же такого может запросить собеседник, раз так много и заранее извиняется. Впечатления от такого звонка тоже остались бы не самые лучшие. «С какой стороны ни посмотри, исход один: звонить Бебелю – это ужасно», – каждый раз приходила к выводу девушка, размышляя обо всем этом.

Но когда ежедневное нахождение в квартире, где они были с Эваном, приводило ее к полному отчаянию и животному страху, ей переставало казаться, что Бебель совсем малознакомый – не такой уж и малознакомый. «Позвонить ему – не так уж неуместно. Вполне уместно», – продолжала девушка внутренний диалог с собой.

Она провела очередной день в поисках квартиры. Эта мысль стала навязчивой, но зато уводила от других, более пугающих ее мыслей. Было назначено два просмотра, но ни одно не увенчалось успехом. На первом ей не понравилось само жилье. Неуютно, неаккуратно и даже не прибрано. На второй просмотр она и вовсе не смогла попасть: ей позвонили и сообщили, что постоялец уже найден.

Ее это выматывало: столько сил, и все напрасно. Особенно расстраивало то, что когда она выделяла дни под поиск квартиры, то не занималась работой, а это лишало ее заработка. В общем, день для Юлии можно было считать неудачным. А еще и этот ветер. На улице, когда она ехала домой, поднялся сильный ветер, а у нее из-за этого в последнее время часто появлялись ощущения, которые ранее у себя она не замечала. И вот опять. На улице нарастал шум поднимающегося ветра. Ветер бил по окнам машины. Если бы она была подальше от дома, то обязательно бы остановилась переждать непогоду, но дом был близко, и ей хотелось скорее оказаться в безопасности, подальше от шума листьев. Страх девушки заключался не в урагане или стихии, а именно в шуме листвы. Даже если бы пошел дождь, ей бы сразу же стало легче. Но когда был слышен именно шум листьев, в желудке словно начинало вертеться что-то большое и холодное. К горлу подступала тошнота, тело слабело, прошибал холодный пот, и из-за этого она часто начинала плакать. Защиты от состояния беспомощности не было. Этот страх пришел после того, как в ее доме появился Эван. За окном как раз был сильный ветер, и, когда в доме погас свет, она решила, что это могло случиться из-за ветра, и так Эван попал к ней в дом. Юлию мучала не сила природы, а событие, которое сопровождалось тем же ощущением, что она испытывала в тот день, со злым умыслом. Странное чувство, когда опасность уже позади, но существует что-то, что тебя постоянно возвращает в то же самое состояние. Ветер как будто напоминал о том, что есть вещи, которые нельзя ни вспомнить, ни полностью забыть.

Она доехала до дома. Остановилась, но подняться наверх не решалась, словно боясь, что в подъезде может быть он. Оставаться в машине тоже было страшно. В этот момент она поняла, что для нее не существует безопасного места. Вместе с этим осознанием картинка сменилась, и ощущения тоже. Все стало деперсонализировано, окна машины перестали быть ограждениями, от настоящего ее отделяло нечто другое – ощущение уязвимости, жуткий страх. Но отчего так, понять Юлия не могла, помогало ей лишь знание того, что это не первая ее атака. Она словно не только морально, но и физически взяла себя в руки. Взвалила этот груз собственного тела и понесла его в дом, проживая и этот момент жизни тоже. Идти было тяжело: ноги словно ватные, звуки были то утрированы, то затихали. Каждый шаг давался с трудом, но вот она уже в

квартире. Не разуваясь, пошла к своему свету, который мог развеять эту тьму. Коллаж на стене был увешан фотографиями, картинками, короткими записями, сделанными то на салфетках, то на обрывках бумаги, и среди этого она нашла глазами две газетные статьи: одна была аккуратно вырезана, а вторая из-за своего неровного края скорее походила на вырванную.

И заголовки: «Эвана Кенига посадили в тюрьму на пожизненный срок» и «Давно доказано, что сбежать из берлинской тюрьмы Тегель невозможно». Пару минут она стояла перед коллажем, осмысляя прочитанное, – и шум ветра в голове прекратился, а ноги обрели былую твердость.

Глава 4

Юлия взяла в руки телефон.

Нашла в нем список контактов, нажала на знакомый ярлык с экрана мобильного устройства, много раз проведя пальцем по сенсорному экрану, пропуская, словно нарочно, нужного адресата. Снова и снова, до тех пор пока список сменяющихся имен перестал мелькать и она пальцем поймала нужный ей.

Три длинных гудка, и на том конце невидимого шнура наконец-то ответили.

– Салют, – послышалось короткое приветствие, на фоне которого раздавался шум, похожий на разговоры людей, в момент ответа нарастающий, но вскоре почти затихший.

– Здравствуйте, я фотограф, куратор... – не успела договорить Юлия, как ее прервали.

– Да, да, хорошо, что вы позвонили. Завтра ровно в десять, – речь была обрывиста, между словами почти не делалось пауз, и как только появился малейший промежуток, в который, показалось Юлии, она могла бы продолжить свою прерванную речь, тут же последовало: – Пардон, мадам. Прощаюсь, захожу в вагон. До завтра. Адрес пришлю в СМС.

Девушка в недоумении посмотрела на экран своего затихшего телефона.

Не дав Юлии окончательно прийти в себя, телефон снова завибрировал, а на экране загорелся значок об одном непрочитанном сообщении.

«Берлинская галерея на улице Альте-Якобштрассе».

Юлия знала это место в районе Кройцберг, оно находилось недалеко от берлинского Еврейского музея.

Выйдя на станции метро «Кохштрассе», пройдя мимо небольшой будочки «Чекпойнт Чарли», символа свободы Берлина по Фридрихштрассе, и обогнув пару кварталов, девушка увидела привлекающие внимание желтые плитки с буквами. Они как раз располагались перед самым входом в то место, которое ей было нужно. Галерея была ей знакома: она уже посещала ее ранее. Минималистичное здание из стекла и бетона, со скрещенными лестницами, ведущими на второй этаж и соединяющими выставочные залы. Работы актуальных художников, графика, скульптуры, архитектурные модели и фотографии. По правде сказать, после одного посещения это место показалось ей ничем не примечательным, даже скучным, за исключением нескольких фишек в виде больших букв на плитках, которые смотрелись эффектно, из-за чего все хотели с ними сфотографироваться, и интерактивных инсталляций, находящихся внутри галереи, но их было не очень много. Юлия знала и более интересные места в городе среди галерей.

Но сегодня она пришла явно не на осмотр предметов искусства, а на встречу. Поэтому она купила билет за восемь евро и прошла в холл первого этажа. Там ее взгляд тут же привлек сопровождающий выставку текст, в котором говорилось о том, что картины в зале постоянной выставки воссозданы при помощи 3D для слабовидящих посетителей. Туда она и отправилась.

В холле посетителей было еще не очень много, но в одном из углов помещения сосредоточилось большое количество людей, которые хорошо просматривались с Юлиного ракурса. Это явно была команда, готовящаяся к съемке репортажа, в центре которой стоял Бебель. Он то смотрел в текст, который держал в руках, то контролировал процесс выстраивания композиции, выставления света и подбора другими людьми выигрышного ракурса. Юлия решила

пока не мешать рабочему процессу и осмотреться. Однако она не успела обследовать и четверть зала, как среди приглушенного шума, гуляющего по зданию, раздался звонок ее телефона. Она взглянула на экран и отменила входящий вызов, бодрым шагом направившись в сторону Бебеля.

– Заждались? – резво спросила она, подойдя к группе людей, за которыми ранее наблюдала издали, заставив всех их переглянуться и застыть с недоумевающим видом.

– Oh la la! – воскликнул Франц на французском, но не восторгаясь, а удивляясь; его же внешний вид скорее походил на то, что его будто вот-вот настигнет что-то ужасное.

– Я явно рада вам больше, Франц, – Юлия постаралась призвать мужчину к приличиям и перестать так явно демонстрировать всем своим видом желание исчезнуть, вводя всех присутствующих в состояние неловкости.

Франца это отрезвило.

– Здравствуйте, Юлия, – он нервно посмотрел на экран телефона: на часах было 10:25. – Через пять минут у меня начинается репортаж. Мне нужно отснять хорошую работу, – говорил Бебель очень быстро, еле ощутимо придерживая Юлию за локоть и отводя ее в сторону. – Конечно, я рад вас видеть, просто работа, будь она неладна. И еще я никак не могу дозвониться до фотографа, которая должна быть здесь уже как полчаса! – последнюю фразу он сказал, откровенно протонав, схватившись при этом за голову. – Мне должны были направить фотографа, мы созванивались, но...

Юлия прервала Франца:

– Это я вчера вам звонила. Но я звонила не из-за этой выставки. Просто вы совсем не дали мне ничего сказать, а лишь прислали СМС. Хорошо, что я знала это место и догадалась, что репортер, так деловито говоря по телефону, не назначил бы мне здесь встречу; хоть я и не профессиональный фотограф, но опыт имею, – она сняла со своего плеча одну длинную лямку сумки-шопера и оттянула ее в сторону, наклонившись таким образом, чтобы Бебелю было видно, что в ней лежал фотоаппарат.

– Боже! – воскликнул Бебель, отведя лицо от Юлии и произнеся фразу на французском, перевести которую Юлия не смогла, так и не поняв его такую бурную реакцию. Снова обратившись к девушке, Бебель изобразил сдержанную улыбку.

– Юлия Вергазова – наш фотограф на сегодня, – обратился Бебель к команде.

Съемка длилась примерно час. Юлии пришлось изрядно понервничать. Видя уровень, с которым работает Бебель, она боялась его подвести, так как опыт с фотографией у нее был в другой области, и ей стоило это признать. Но она постаралась уловить запрос обстоятельств, в которых находилась, и забыла про привычные ей постановочные кадры, стараясь подходить к фотографированию осмысленно, эмоционально, создавая на снимках неподдельность, демонстрирующую реальное течение событий без попыток повлиять на него со стороны фотографа. Этим, как ей показалось, и должна была отличаться репортажная съемка.

Вскоре они закончили и вышли из галереи.

– Вы не против итальянской кухни, Юлия? – сдержанно произнес Бебель, но по его предложению и интонации Юлии показалось, будто она все же была ему полезной.

– Нет, я как раз проголодалась, – оптимистично ответила девушка.

– Здесь недалеко, через Линденштрассе, ресторан «Шарлон» на Карлоттенштрассе. Были там? – он в привычной для себя манере держал сигарету в руках и эмоционально размахивал руками, показывая направление, думая, будто это что-то скажет девушке.

А сам при этом смотрелся забавно. Походил на большого ребенка. Такой же худой, с сигаретой в руках, бадлоне, джинсах, а сверху на нем был надет очень объемный, цвета хаки плащ. Он был настолько большой ему, что казалось, от таких взмахов руками он может в нем запутаться.

Ресторан итальянской кухни выглядел внешне очень приятно, создавал расслабленную атмосферу, не давил пафосом. Небольшой, занимающий малую часть фасада большого здания, с панорамными окнами, разделенными на две рамы стеклянной дверью посередине. С внутренней стороны стекла виднелись расставленные на подоконнике книги, а ко второй, стеклянной части стены здания был приставлен велосипед. Неизвестно, был ли этот велосипед какого-то гостя или прохожего, оставившего его там на время, но ресторану этот приставленный велосипед очень шел. На тканевом развевающемся козырьке виднелось название – Charlotte I.

Внутри ресторан оказался не столь велик по своей площади, но уютен и аккуратен. Там не было ни шума, ни суеты. Пару поприветствовали на входе и помогли с размещением одежды на вешалке. Свободный столик, а их было достаточно, они выбрали сами – в укромном углу. Тут же официант принес им меню и готов был сразу же записать заказ. Бебель очень быстро сделал свой выбор, заказав себе пасту-тальятелле с мясным рагу и с фрикадельками. А к нему – бокал белого сухого вина. Юлия, не глядя в меню, попросила принести ей то же самое. В зале звучала речь не только на немецком: Юлия уловила итальянский.

Бебель на какое-то время завис в телефоне, а Юлия украдкой посматривала на него. Мужчина оставался все тем же, как прежде. И даже спрашивать его, например, о семейном положении никому бы не пришло в голову. Взъерошенный, мятый, с неопрятной щетиной, одеждой, снятой будто с чужого плеча, – это все указывало на то, что за ним явно никто не присматривал, а сам он был человеком других ценностей. Выражение лица тоже было прежним. Ни разу на его лице Юля не видела улыбку, которой бы поверила. Если он и делал вид, что слушает собеседника, то всегда было понятно, что его мысли где-то в другом месте. И это при его-то работе репортером, причем успешным. «Наверное, все дело в раскадровке записей, которые делал Бебель, беря интервью», – заключила девушка. И вся его простота не была примитивностью, его нельзя было свалить в такую категорию мужчин. Наоборот, он был интересен своей непосредственностью, отсутствием гонки за чем-то материальным, зачастую портящей людей, или чем-то популярным, всегда и обо всем имел свое мнение, выбор, не заискивал ни перед кем, не пытался казаться лучше, чем он есть. Он просто был собой – человеком, несущим внутреннее достоинство. Даже сложно было представить, чем можно было бы искусственно привлечь его внимание, отчего и возникал вопрос: что это должен быть за человек или что такого должно было случиться, чтобы Бебелю этот некто или что-то было интересно. Юлия прервала свои размышления и их обоюдное молчание, которое уже явно начало затягиваться.

– Почему вы снимаете репортаж в этой галерее, Бебель? – между прочим спросила она, стараясь поддержать разговор.

– Вам не понравилась выставка? – Бебель обратил внимание на девушку, отложив телефон. При этом последовал запрещенной тактике, отвечая вопросом на вопрос, скопировав интонацией подачу Юлии. Но если Юлино безразличие было сыграно, то у Бебеля оно было органичным, самым настоящим, полным равнодушия к тому, что она ответит.

– Нет, почему, – эмоциональнее, уже по-настоящему вовлекаясь в диалог, ответила Юлия и продолжила: – Выставка получилась занятной.

– И мне так показалось, – перебил ее Франц, что было весьма странно при его спокойствии в данный момент.

Но Юлия этого не поняла или просто не захотела смириться с тем, что ему словно не хотелось продолжать эту тему.

– Ну а как же газета The Insider, Франц Бебель, расследующий преступления? – И тут же продолжила: – Или преступный мир терпит крах?

Бебель не мог не заметить саркастическую интонацию девушки, но решил это пропустить.

– Я работаю не только на Insider, но и на другие издания. Я свободен и вправе выбирать, – его ответ был весьма лаконичным.

– Все же, Франц? – отчего-то завелась Юлия.

Франц сделал глубокий вздох разочарования, отвел от девушки взгляд, устремив его в окно, и как будто вынужденно спросил:

– Вы, пока делали фотографии, успевали смотреть? Слышали выступления руководителей, организаторов выставки, ее создателей? – засыпав девушку вопросами, он сохранял спокойствие. Ни о какой уязвимости, о которой, возможно, хотела думать Юлия, вцепившись в него, не было и речи.

– Да, конечно, занятие фотографией меня ничуть не отвлекало. Выставка была посвящена воссозданию картин в 3D для слабовидящих людей, – филигранно продекларировала Юлия, даже немного гордясь своей осведомленностью.

– Вот именно, для слабовидящих людей, – он сделал акцент на этой фразе, затем взял небольшую паузу и продолжил, – а у больных людей обостренное чувство искренности, Юлия. И мне это нравится, – заключил журналист.

Повисла пауза.

Юлия сделала в своей голове странное заключение о том, что чем умнее, начитаннее, образованнее человек, тем он проще излагает свои мысли в жизни и вообще как будто использует минимальное количество букв. Однако если взглянуть на таких людей в работе или в необыденной беседе, а с серьезным оппонентом, где игра стоит свеч, то он преподнесет тебе такую фразу, которая полоснет тебя, собьет снобизм, заносчивость, и желание препираться с таким человеком исчезнет в этот же миг.

Настроение девушки немного испортилось, она погрустнела, а им тем временем принесли еду.

Вскоре Бебель, подкрепившись, приободрился и, даже слегка повеселев, отпил из бокала глоток и заговорил:

– Юлия, а зачем же вы мне звонили? Ведь наша встреча в галерее – это стечение обстоятельств из-за того, что я принял вас за другого человека, но это не отменяет вашего звонка. Что вы хотели? – неподдельно заинтересовался Бебель.

– Ах да, – Юлия вернулась мысленно к разговору. – Франц, я хотела бы узнать у вас насчет ваших знакомых, живущих в Берлине. Возможно, вы знаете кого-то, кто сдает жилье?

– М-м-м, – задумался Бебель, слегка запрокинув голову назад. – Нужно подумать. А что случилось с той квартирой, где вы жили? – он задал этот вопрос лишь для того, чтобы занять Юлию ответом и спокойно обдумать ее просьбу. Это было понятно по тому, как он отвел взгляд сразу же после того, как задал вопрос, не дожидаясь ответа.

– С ней все в порядке, она есть, я в ней сейчас живу, – затараторила Юля, – но хотела бы переехать, — здесь она уже начала немного медлить. – Понимаете, в этой квартире мне тяжело: в ней столько всего произошло. Туда приходил Эван, там я узнала о смерти Люсель — вся эта череда событий до сих пор иногда вызывает у меня чувства, от которых я давно хочу избавиться. Мне бы хотелось начать жить заново, но, пока я в этой квартире, мне не удастся этого сделать, – очень откровенно, избегая терминов по типу «панические атаки», объяснила Юлия свое положение.

Бебель был все еще отстранен, к тому же он взял в руки телефон и начал в нем что-то смотреть. Юлия запереживала, что она теряет его внимание или что он вообще не слушает, и пуще прежнего залепетала:

– У меня есть деньги, я работаю, ну-у, точнее, подрабатываю, но я смогу...

Бебель перебил девушку, у которой вот-вот могла случиться истерика, и сказал:

– Через три дня я улетаю в Амстердам; если вам подходит моя холостяцкая квартира, то можете остаться в ней: меня не будет около месяца, – деловито, как будто подтверждая факт того, что Юлия уже давно живет в его квартире, говорил Бебель.

– Сколько я вам... – деликатно хотела поинтересоваться Юлия, но ее снова перебили.

– Нисколько, денег не нужно, – строго ответил Бебель, давая понять, что эта тема закрыта.

– Но...

– Это решено.

– Может, все-таки обратимся к вашим знакомым, не хочу причинять вам неудобства...

– Я не обращаюсь к своим друзьям и знакомым с такими просьбами. Да и о моем жилье вы слишком хорошего мнения. Я едва надеюсь, что вам будет там комфортно. Мой дом мне не храм. Пользуйтесь.

– Спасибо вам большое...

– Это лишнее. Через несколько дней я позвоню вам, Юлия.

– Спа... – на этот раз девушка перебила саму себя, – хорошо.

Тема резко сменилась.

– Юлия, вы что-нибудь слышали об Эване? – поинтересовался Бебель, опустошая свой бокал с вином.

Звук лезвия, разрезающего бумагу, прошелся где-то совсем близко с ухом девушки и застрял в голове.

Бебель, возможно как-то это почувствовав, не стал дожидаться ответа.

– Я часто вспоминаю эту историю. Точнее, не саму историю, с которой мы оба печально знакомы, а историю самого Эвана.

– Какую историю вы имеете в виду? – спросила девушка.

– Историю его детства, семьи. Вы знаете что-нибудь о ней? – спросил Бебель.

– Мне рассказывала Люсель, но, думаю, это было в кратком пересказе, да еще она говорила об этом очень эмоционально. Знаете, так бывает, когда у людей слишком много всего, о чем они думают, или им есть что сказать о ситуации, что толком ничего дельного сказать и не получается. Хаос поражает хаос. Это похоже на то, что слова опережают мысли или, наоборот, мысли слова, неважно, главное, что из этого очень сложно выцедить что-то ценное или просто понятное. А может, Люсель и сама была такой эмоциональной, что не могла справиться со своими чувствами. Мне часто казалось при разговоре с ней, что либо она очень много говорит, либо о чем-то недоговаривает. Говорит об одном, а думает совсем о другом. Со стороны это походило на обычную задумчивость, может, загадочность. Поэтому все, что я помню, – это лишь какие-то обрывки, но достаточно весомые. Например, она рассказывала, что ей было известно о том, что его мама переехала из Амстердама, а родиной отца вроде бы была Германия. Но опять же, Люсель рассказывала об этом страстно, меня же его история особо не волновала, отчего и мой интерес к этой теме был невелик. Его история всех задевает за живое, всех, кроме меня, – почему-то слушавила Юлия на последней фразе и, побоявшись, что опытный Бебель тут же ее конфронтирует, призналась: – Только сейчас, когда Люсель уже нет... Хотя я уверена в том, что, будь у меня возможность задать ей вопросы сейчас, что-нибудь стало бы понятным... Тем не менее что же произошло тогда, тем днем в доме Кенигов? Возможно ли еще узнать это – вот что по-настоящему интересно. И если нельзя задать никаких вопросов Люсель, то, может быть, есть кто-то другой, знающий на них ответы и способный ответить.

– Меня это не особо волнует.

Судя по ответам Бебеля, диалог подходил к концу, но Юлия, напротив, только начинала возбуждаться:

– По вам не скажешь, раз вы часто думаете об этом, – то ли съязвила, то ли неудачно ответила Юлия. В любом случае это было из-за того, что на самом деле ее эта история заботила, даже очень.

– Я думаю лишь о том, кто расправился с матерью Эвана, – утверждение не было обращено именно к Юлии, оно было просто озвучено вслух, а взгляд мужчины переведен снова в окно. Но стало ясно, что он думал об этом постоянно.

Глава 5

Бебель вышел на угол узкой улочки, выходящей к Старой Церкви, и увидел здание, которое ему было нужно. Его отличала от похожих на улице зданий торцевая вывеска, установленная на кронштейне с надписью: РИС.

– Здравствуйте, месье, хотели бы провести хорошо время? – тут же возле него закружила девушка, лучезарно улыбаясь при этом и лепеча на английском.

Девушка была опрятно одета, приятна собой, но выглядела слишком молодо.

– Нет, юная леди, я не хотел бы поразвлечься, если только утолить свой интерес, оттрапезничать умственно, – Бебель не хотел быть грубым, а наоборот, подумал, что, смалодушничав таким образом, прикинется парнем «из тусовки», «словит сленг».

Но на этих словах девушка скривилась и посмотрела на него уже совсем другим взглядом.

«Вот она разница поколений, которой никогда не быть преодоленной», – подумал он.

– Деточка, позови кого-нибудь постарше, – с выдохом произнес Бебель. Ему и самому стало неудобно оттого, что своим желанием омолодиться он только лишь показался ханжой, моралистом, готовым вот-вот прочитать ей нотацию, и тем самым отпугнул ее.

– Ага, – равнодушно произнесла та и покинула общество Бебеля, скрывшись за шторой, являющейся фоном стойки, возле которой оставался ожидать Франц.

Прошло около десяти минут, такое ожидание утомило Бебеля.

В фойе он пересмотрел уже все вывески, буклеты, которые были доступны его взгляду. Там был и прайс, и категории девушек, описание предоставляемых услуг. А еще целая куча мотивационных брошюр о том, что к девушкам, работающим в данном заведении, необходимо относиться с уважением, не унижать, не насмехаться, не считать данную профессию чем-то зазорным и принимать во внимание их права... Так же была памятка, содержащая правила посещения так называемых окон.

Бебель успел прочесть первое правило, которое гласило: «Дверь в любое из окон открывается изнутри, поэтому если мужчине и кажется, что выбирает он, то выбирают все же его, в тот момент, когда девушка решает впустить его или нет. Встреча совершается только по обоюдному согласию, и для ее согласия партнер должен понравиться девушке, когда она еще за стеклом».

Чтение, увлекшее Бебеля, прервалось звуком скользящих по гардине, шторе, висевшей за стойкой, металлических колец. В проходе появилась достаточно тучная, но выглядевшая ухоженной взрослая женщина, с макияжем, укладкой, хорошим маникюром, одетая ярко, но со вкусом.

Без прелюдии она поинтересовалась у поднявшего на нее глаза мужчины:

– Вы из полиции?

– Нет, мадам, – такое обращение само слетело с уст Бебеля. Глядя на эту женщину, никакого другого обращения придумать о не мог.

– Француз, значит, – женщина удивила Франца, заговорив на французском, что прибавило ей шарма. – А что пчелок моих тогда пугаете? – наглово спросила женщина. – И чего вы вообще хотели, если не девушку? – с наглого на деловитый тон перешла она.

– Мне кажется, что вы мне сможете помочь. Я ищу одну девушку, точнее, сведения о ней, она раньше работала здесь.

– Мы здесь не справочное бюро, хоть и называемся Информационным центром проституток, но мы здесь, чтобы защищать эту профессию и менять представления о ней у обывателей.

– Тем более вы могли бы мне помочь, потому что я здесь именно потому, что права одной из ваших работниц были жестоко нарушены. – Бебель, преисполненный уверенности, положил свой ридикюль на стол, достал и расстегнул папку с бумагами. – Позвольте мы с вами присядем? – вежливо поинтересовался Франц, боясь нагло командовать в чужом храме.

– Да, пожалуйста. Клара, – представилась женщина и жестом пригласила Бебеля к журнальному столику с двумя креслами, размещенными в уголке помещения. – Что-то произошло? – обеспокоилась она.

– Не переживайте, вас это не касается, но вы могли бы мне помочь, – успокоил ее Франц. Они присели, и он начал разворачивать свои бумаги.

– Меня зовут Франц Бебель, я журналист газеты The Insider. Вы слышали что-нибудь о трагедии семьи Кениг, произошедшей в Германии около двенадцати лет назад? – спросил мужчина.

– Нет, я телевизор не смотрю, к сожалению, – на самом деле без сожаления произнесла женщина, и, желая поскорее перейти к делу, добавила: – А мы как с этим связаны?

– Меня интересует женщина, которая до этого работала здесь, а позже, выйдя замуж, переехала в Германию, в пригород Кельна, городок Брюль.

– Боюсь, если даже вы и хотите, чтобы я ее вспомнила, для меня мало входящей информации. Ежедневно на работу в окна выходит около шестисот девушек.

– Я подготовился, – Бебель принялся перебирать бумаги, лежавшие на столе. – Вот, – достал он, по всей видимости нужную, это оказалась фотография. – Вот ее фотография, – он протянул фотокарточку женщине.

Та взяла ее в руки и начала смотреть на нее, разглядывать. С фотографии на нее смотрела молодая женщина с длинными светлыми волосами, целая копна которой спадала ей на плечи, грудь, немного подвываясь легкими локонами к концам. Небесно-голубые глаза перекликались с платьем того же цвета, а белоснежная улыбка будто светила. Женщина была стройной, с пышной грудью, виднеющейся в глубоком декольте.

– Подождите, как вы сказали звали эту женщину? – она прищурилась, явно пытаясь вспомнить что-то.

– Я не говорил еще ее имя, только называл фамилию – Кениг, – ответил Бебель.

– Нет, такая фамилия мне не знакома. Но что-то знакомое для меня есть в самой девушке на этой фотографии, – она отвела взгляд на потолок, запрокинув слегка голову. Сложила пальцы и стала ими шуршать так, как это делают, когда подразумевают деньги, но она это делала словно для того, чтобы ухватиться за спутавшиеся в голове лица.

– Да, я понимаю, сразу же так сложно, – понимающе заметил Бебель, видя, что женщина напряжена, – но, может быть, вы могли бы взять фотографию, подумать как следует, может быть, что-то пришло бы вам на ум и вы, как вспомнили бы, позвонили мне.

– Нет, подождите, – остановила его женщина, приложив указательный палец ко рту, – не мельтешите, дайте мне подумать сейчас.

– Ее звали Виктория, – желая помочь женщине, упомянул Бебель, – Виктория Кениг.

– Ох да-а-а, припоминаю, припоминаю, как же, – женщина как будто не слушала Бебеля, держа в одной руке фотографию, указательным пальцем другой руки она постучала по краю снимка. – Я вспомнила. Ее звали Карлота. Их фамилию, к сожалению, я не вспомню.

Женщина заулыбалась, протягивая снимок обратно Бебелю.

– Стойте! – Бебель помотал головой. – Как же, посмотрите еще как следует, ее звали Виктория, – он помотал рукой в ответ на жест женщины, предложив ей еще раз взглянуть на снимок.

– Что вы, молодой человек, – усмехнулась женщина, – я стара, я этого не скрываю, но если я говорю что-то, в чем я уверена, то так оно есть. И вы, увы, переубедить меня в обратном не сможете, – она положила фотографию на стеклянную поверхность стола и провела по ней снимком, как бы возвращая Бебелю его вещь.

Бебель явно был в замешательстве, он достал блокнот и записал: «Карлота?»

– Подождите, вы сказали: «Их». Их фамилию, – он хотел раскрутить этот клубок, не упустив ни единой детали, – Кениги, правильно? Эту фамилию вы имели в виду? Фамилия

ее мужа? – Бебель стал немного приходить в себя, в глубине души все же надеясь на то, что женщина вспомнит еще что-то полезное для него, а не будет запутывать его еще больше.

– Нет, эта фамилия по-прежнему мне не знакома. У них была другая фамилия, – женщина снова зажмурилась. – Кох! – выпалила она. – Точно! Карл и Карлота Кох!

– Ладно, – обреченно протянул Бебель, смирившись с тем, что речь пойдет о каких-то Кохах, но приготовился записывать, – что вы знаете о них?

– Я вижу на вашем лице недоверие, Бебель, но, когда вы меня выслушаете, возможно, я не скажу того, что вы хотели бы услышать, но вы поймете, что из ума я не выжила.

– Клара, я так и не считал, – начал оправдываться Бебель, которому даже стало неловко за то, что он не следил за своей физиономией.

– Довольно, – прервала женщина его и продолжила, – здесь, в этом Квартале, все не так просто, как это может показаться для обычных зевак, приехавших в Амстердам и считающих обязательным шмальнуть шарик и отметить на Красных фонарях в поисках шлюхи. Здесь есть история, последствия этой истории и своя иерархия. Девочки работают не сами по себе: у них есть менеджеры, у менеджеров есть хозяева, – женщина говорила так, будто она рассказывала это уже тысячи раз, и, если не знать, о чем она говорит, можно бы было подумать, что речь, пронизанная уважением, идет об основании старейшей церкви, располагающейся неподалеку. – Хозяева – это владельцы окон, это может быть как частное лицо, так и компания; менеджер – человек, работающий на хозяина, он курирует девушек, работающих в окнах и принадлежащих своему хозяину. Хозяин или менеджер не являются сутенерами: они не заставляют девушек принимать гостей, заниматься проституцией. Это люди, на ежедневной денежной основе сдающие девушкам помещение, то есть окна. А что она там будет делать – это ее дело, главное, чтобы платила за аренду и налоги в казну, – Клара сделала небольшую паузу и продолжила, – Кохи – это были хозяин и менеджер. Брат с сестрой, двойняшки.

У Бебеля расширились глаза, сам взгляд словно прояснился.

– Вот почему я уверена в своих словах, лицо девушки на фотографии, – Клара указала пальцем на фотографию, до сих пор лежавшую на столе, – точь-в-точь, как у ее брата. И имена у них были Карл и Карлота не просто так.

– А я могу поговорить с этим Карлом? – приободрился Бебель.

– Боюсь, что нет. Этого человека нет в живых. Он поплатился за все свои деяния, – с выдохом горечи произнесла Клара.

– Что вы имеете в виду? – Франц был преисполнен интересом.

– То, что я рассказывала вам про то, как здесь все устроено, это так по своей сути, но клан Кохов был другим. Карл был жестоким человеком: он не был просто держателем окон, он хотел обладать и всем тем, что было внутри, то есть девушками. Относился к ним как к вещам, нарушал все местные правила и права бедняжек. Запугивал их, бил. Наших полномочий не хватало, чтобы с этим справиться, – окунувшись в воспоминания, произнесла Клара с грустью в глазах, словно перед ней вспыхнули какие-то картинки из прошлого. – Он крутился в дилерской тусовке, продающей наркотики без лицензии. Наркоманы – отдельный контингент, здесь их особо не жалуют. Но у его девочек клиентами были исключительно такие отморозки. Некоторые девочки после таких встреч больше не могли работать ни морально, ни физически.

– Зачем тогда они шли к нему? – задал напрашивающийся вопрос Бебель, чтобы отвлечь Клару от неприятных воспоминаний.

– Десянсто процентов работниц этой индустрии – это приезжие девушки. Они приезжают, не понимая, как здесь все устроено, желая заработать как можно больше денег, попадают к таким людям в руки. Обесценивая себя, многие думают, что если они этим занимаются, то лишь такого отношения к себе и заслуживают. Только в своем центре мы меняем представление и посетителей, и самих сотрудниц к индустрии, и тогда появляется взаимоуважение, ценность каждого своего дня. Также мы приглашаем социальных работников, психологов, которые

оказывают девушкам помощь. Мы многим помогаем выйти из профессии, если у них все же не получается поменять к ней отношение. А есть девушки, которые знают, зачем сюда пришли, чего они от этого хотят, знают себе цену, отчего не чувствуют себя угнетенно, им выделяют лучшие окна, и они зарабатывают хорошие деньги, способные покрывать аренду за дорогие окна.

– А что насчет Карлоты? – спросил Бебель.

– Ей доставалось больше всего, – сложила Клара руки словно в молитве и посмотрела на миг вверх, – бедная девушка.

– Несмотря на то что она была его сестрой, он так же подкладывал ее под отмороzków? – скривился Бебель с презрением.

– Нет, она не работала на клиентов, он никому ее не давал. Она, по сути, была менеджером: собирала аренду с девушек, следила за порядком в окнах, меняла белье, занималась уборкой. Прилежной была очень, хозяйственной.

– Но что же тогда? – Бебелю не терпелось все выяснить.

– Ее самым страшным кошмаром был он – ее брат. Он считал ее своей собственностью и постоянно насиловал ее, бил, она боялась ночи. – Клара, увидев ужас на лице Бебеля, сразу же пояснила: – Мы не знали ничего об этом, – тут она как-то странно притихла, оборвав саму себя на полуслове. И, виновато склонив голову и опустив глаза, добавила: – Мы долгое время ничего об этом не знали. Карлота сама по себе была очень покладистой, эдакой девочкой для битья: она то ли все это принимала как должное, то ли просто была очень запугана. Об этом остается только догадываться, потому что на людях она была приветливой, улыбчивой, отзывчивой, всегда готовой прийти на помощь. Она часто помогала девочкам, работающим в окнах ее брата, лечила их, залечивала раны. При этом всегда надеялась на то, что следующий день будет лучше предыдущего. Но однажды все изменилось.

– Подождите, везде же пишут, что работники в безопасности, что в каждой комнате есть кнопки помощи на случай нападения клиентов на девушек, почему она не воспользовалась этим?

– Он был хозяином этой комнаты и счет бы пришел за вызов ему, вряд ли бы он оплатил его. – пожала плечами Клара.

– Что произошло с Карлотой однажды? – следил за историей Клары Бебель.

– Девочка много раз делала аборты от своего брата. Однажды она даже попросила его оставить ей очередного малыша, боясь, что потом она больше не сможет иметь детей, ее об этом предупреждали доктора. Карл не соглашался, отправлял ее на аборт, но она все тянула с этим. Думаю, она хотела оставить младенца, но, когда Карл в очередной раз напал на нее, у Карлоты началось сильное кровотечение. Без больницы было не обойтись, и ее отвезли в госпиталь. Там Карлота встретилась с социальной работницей. В госпиталях всегда присутствуют люди таких профессий для разных случаев, в частности, когда в госпиталь привозят работниц квартала красных фонарей. До этого ей и другим работницам Карла было запрещено принимать помощь и сообщения извне, он за этим очень сильно следил.

Клара задумалась.

– Я, к сожалению, уже точно не вспомню, как звали ту женщину, прошло много лет, но я помню, что она была украинкой. Эта женщина в жизни Карлоты стала ангелом-хранителем, она была ее надеждой, верой во спасение. Она сумела ее расположить к себе, та ей все рассказала. Каким жестоким может быть ее брат, как она работает без выходных, устает, оставаясь при этом без единой копейки. О насилии, избиениях – поведала ей все темные тайны, которые так долго хранила внутри себя, запирая на замок в груди, а они раздирали там, внутри нее, все на части. Эта женщина и рассказала нам все, мы были в шоке от того, что узнали. Конечно, мы не в вакууме жили и видели, догадывались, что происходит, но у Карла было очень много связей в преступном мире, в полиции, среди дилеров. Он был страшным человеком, не воспринимал

законы общества, только свои личные. Но когда эта женщина нам все рассказала, мы поняли, что знали далеко не все, были в розовых очках, и стекла этих очков разбились вовнутрь. Однако с полученной информацией ничего сделать мы не могли.

Бебель понял, что, как бы Клара ни жалела Карлоту, как бы ни сожалела о случившемся, всего она ему не рассказала. Она все равно в первую очередь будет защищать свой центр от нападков и обвинений в бездействии, поэтому он даже не думал винить ее в чем-то, а лишь надеялся, что история решилась каким-либо другим способом, лучшим для Карлоты

– Эта женщина предлагала какой-то выход? – у Бебеля все свербело, он словно погрузился во всю тяжесть того времени, про которое сейчас рассказывала ему Клара.

– Да, она сказала, что хочет сделать для Карлоты новые документы и затем перевезти ее в Украину. Как беженке предоставить ей укрытие, устроить на работу. Она часто стала приезжать сюда, в наш центр, чтобы увидеться с Карлотой. Мы подлавливали ее и приводили в центр днем, когда Карл разъезжал по делам, а женщина приезжала к ней. У них была цель – Карлота должна была выкрасть свой паспорт у брата и передать этой женщине для оформления новых документов, но у Карлоты это никак не получалось: она была робкой девушкой. Боялась его очень. Но вскоре и эта мечта, и цель прекратили свое существование. – Клара заметно погрустнела.

– Что стряслось? – Бебель уже перестал удивляться: несчастье за несчастьем преследовало героиню этой истории.

– Об этом знает весь квартал красных фонарей, каждая девушка. Эта женщина погибла, – прискорбно сообщила Клара.

– Карл ее убил? – Бебель был в ужасе.

– Нет, как могло бы показаться. Это и вправду был несчастный случай: пассажирский авиалайнер потерпел крушение. Самолет следовал из Амстердама в Куала-Лумпур, все, кто был на борту, погибли, среди пассажиров была и эта женщина.

Здесь, в нашем центре, был траур, когда об этом все узнали. Эта женщина помогала и раньше другим девочкам из квартала: это была специфика ее работы. На целый день сотрудницы отказались от работы в память о ней. Но тяжелее всего было Карлоте. Она только обрела человека, которому стала небезразлична, благодаря которому у нее появилась надежда, мечта, и вдруг все рухнуло. И последнее, что омрачало все это еще больше, – то, что на похороны этой женщины, которые проходили в Амстердаме, не пустили девушек – работниц красных фонарей, которые пришли почтить память этой женщины, в том числе и Карлоту. Для нее это было очень важно. Девчушка почернела. Ходила как ночь темная вся, я боялась, что она наложит на себя руки.

Бебель приложил к лицу обе руки и протер ими по коже, с усилием на глазах, лбу, как будто глаза его устали, а голова сильно болела. Хотя, возможно, все так и было. История женщины рисовала перед глазами страшные картинки, а мозг не успевал это все переваривать.

– Как можно все это вынести одной и той же женщине? – вслух произнес Бебель, сложив и те обстоятельства, которые произошли с Карлотой-Викторией уже в Берлине.

– Так, мне нужно собрать все воедино и понять, что было дальше, как Карлота попала в Германию, – собрался с новыми силами Бебель.

– Этого я не знаю, – удивленно ответила Клара.

– Чего именно? – спросил Бебель.

– Как она попала в Германию.

– Хорошо. Но что было после того, как прошли похороны этой женщины? – развивал мысль Клары Бебель.

– Дальше все так понеслось. Она пробыла здесь еще совсем недолго. Ходила вся поникшая, обреченная на безысходность, а у Карла и дальше все процветало. Потом уже, когда Кар-

лоту давно не было видно, у Карла появилась другая женщина. Видать, он нашел ее, чтобы заменить Карлоту.

– И что эта была за женщина? – спросил Бебель.

– Самая падшая из всех, кого я только знала, – тихо произнесла Клара, чуть склонившись к Бебелю, чтобы ее никто не слышал, хотя они и так были одни. – Может быть, с моей стороны это и будет дискриминацией, но мне кажется, что в данном случае я имею право так сказать. Она была наркоманкой, героиновой. Зачем он ее подобрал? И зачем она вообще нужна была ему, непонятно. Он хоть и был мерзавцем, но выглядел этот подонок, как Аполлон. Всегда ухожен, одет красиво. Одежда вся выглажена. Это его Карлота так одевала, она не только обстирывала и обглаживала его, она также и сама шила ему одежду. А ту его подружку я сама видела один раз.

– При каких обстоятельствах? – поинтересовался Бебель.

– Карлоты давно не было видно. Девчонка не появлялась ни у нас, ни мимо не проходила. Другие девушки ее тоже не видели. Я сама даже стала похаживать через их улицу, когда домой шла, специально обходила с другой стороны, чтобы хотя бы глазком с ней встретиться, понять, что все у нее нормально и она жива. Говорю же, что вначале боязно было, что девка руки на себя наложит, – продолжала взахлеб Клара, – даже сейчас вот вспоминаю, сколько лет прошло, а сердце до сих пор щемит. Нигде ее я не видела, но встретила мне обдолбанная эта девица в подворотне. Я у нее решила спросить, а она мне так нагло, бесцеремонно, смеясь в лицо: «Нету больше Карлоточки вашей». Говорит все это и паузы длинные делает. Я ее спрашиваю: «Как нет?» А она: «Ой только не ревите, сама сейчас прям здесь расплачусь». Так это было мерзко все, что она говорила, но почему-то въелись ее слова в память: «Сбежала она с другим мужиком, а в брюхе у нее был не то котенок, не то свиненок. Вот и хорошенькая ваша Карлоточка променяла брата родного». – Вот как выстрелила это все, так и побрела дальше, а я как стояла, так и осталась вкопанной. А Карлоту больше я так никогда и не видела.

– Понятно, все так, все сложилось. Не его все же это ребенок был, значит, а я-то думал все же... – вслух пробормотал Бебель, вспомнив о почившем Кениге-старшем.

– Так, а что с Карлотой, вы ее знали? – наступило время задавать вопросы Кларе.

– Я-я-я, – протянул Бебель, словно вырываясь от какого-то забытья, в котором он находился, – лично не был знаком, и сейчас уже лично не познакомлюсь, потому что она мертва, – прискорбно сообщил он. – Но я знаю ее сына – Эвана, – ответил Бебель.

– Все-таки сын, все-таки родила, получается, – тяжело вздыхая, произнесла Клара.

– Да, родила, – подтвердил Бебель, – но непонятно, точно ли речь идет об одном и том же ребенке. Не было ли прерывания беременности, – сделал он небольшую паузу, записав что-то в блокнот, и продолжил: – Имя она сменила на Викторию и вышла замуж, взяв фамилию мужа Кениг. Мне сложно оценивать, был ли этот брак счастливым и, если был, то насколько, но то, что коротким, это точно. Викторию убили, когда ей было тридцать пять, а ее муж вскоре повесился.

– Какой ужас! – Карла воскликнула это, зажав рот руками. – Что произошло? Ребенок жив?

– Тело Виктории нашел в доме как раз ее сын. Она висела на крюке от люстры в ванной комнате, обескровленная. Кровь ковром расстилалась на полу, под женщиной. Муж повесился сам на глазах ребенка.

– Бедный мальчик, – произнесла Клара, дыхание ее перехватывало, словно у нее замирало сердце.

Бебель не стал ждать дальнейших расспросов и поинтересовался:

– Вы не сказали, что произошло с Карлом?

– Сам он умер или его убили – неизвестно. Труп мы видели. Умер как собака, на самой дальней, узкой улочке квартала. Лежал там весь мокрый, в собственной слюне, и даже обмо-

чившийся. Официальный диагноз – передоз. Но у местных есть большие сомнения в этом. Да. С этой девкой приبلудной он и сам начал употреблять, но он не был дураком, деньги любил. Но, когда он умер, появились люди, которые сказали, что за долги забирают его комнаты, девка его бывшая подтвердила, что он им очень много был должен. Так им все и отошло. Сейчас их здесь не видно и не слышно, совсем другие люди хозяева, с виду приличные, но это специально так прячутся, чтобы следы замести, – знающе сказала Клара.

– А девка появляется?

– Нет, не видели, тоже, наверное, так и померла где, – без сожаления произнесла женщина.

– Ну, а имя ее вы знаете? – с надеждой в голосе спросил Бебель.

– Рита. Вроде так. Ритка, – повторила Клара.

– А кроме имени еще что-то может быть осталось у вас о ней, какая-то информация?

– Есть ее телефон, – как будто невзначай произнесла Клара и более уверенно продолжила: – Вообще, это телефон Карла, он был у нас для связи с хозяином комнат в административных целях, так положено, но те, кто после звонил на него, говорили, что Рита сама его себе присвоила, что неудивительно, как, наверное, и все более-менее ценное. А только зачем она тебе, не связывался бы ты с ней, она из тех, кто умеет только разрушать. Хотя сейчас принесу, все равно же, говорю, много лет прошло, не дозвонишься, померла она, наверное, – повторила Клара, вставая с кресла и направляясь за штору.

Получив от женщины номер, Бебель принялся убирать в сумку свою папку, а Клара в это время с ним попрощалась:

– Всего вам доброго, Франц.

– Спасибо, мадам, вы были очень добры, – обратился к ней Франц и, увидев, как женщина отдалается от него, идя в сторону шторы, вернулся к своей сумке. Сложив все необходимое, а листок с номером девушки убрав в карман брюк, Бебель направился к выходу, заметил за стойкой ресепшена все ту же девушку, которую он встретил при входе, появившуюся на этом месте словно из ниоткуда.

Проходя непосредственно в нескольких сантиметрах от нее, Бебель решил пошутить, растопив сердце насупившейся на него девушки, явно не встретившей бы его еще раз с улыбкой на лице.

– До свидания, – выдал из себя улыбку Бебель, – и не такой уж я и старый, как могло показаться.

Глава 6

Бебель уже две недели был в командировке, а Юлия, получив неожиданную поддержку от, казалось бы, совсем малознамого человека в своей жизни, пусть и на мгновение, но ощутила прилив того чувства, когда рядом с тобой оказывается кто-то, хоть как-то участвующий в твоей жизни, и снова безнадежно осталась одна, что безоговорочно заставляло ее, натуру творческую, легкомысленную, мечтательную и желающую самой поверить в то, что превращало бы любой из нынешних отрезков ее жизни в волшебный, окутанный флером живого интереса, заставляющий любить эту жизнь даже на контуре рисунка взмаха крыла бабочки, в очередной раз разочароваться, опустошиться, забыть все то, во что она верила ровно пять минут назад и впасть в отчаяние. Но Юлия оставалась все той же Юлией, из-за чего разъедающее чувство было присуще ей лишь временно, а точнее – краткосрочно.

Первые две недели, находясь в предоставленных ей Бебелем апартаментах, она проводила по привычке в одиночестве, не выходя на улицу.

Юлия была активным пользователем интернета и освоила всевозможные сервисы по заказу продуктов на дом, корреспонденции, одежды, книг и всего того, что могло ей стать необходимым. Основную часть дня она проводила в ноутбуке за работой. Жизнь в Германии требовала немалых финансовых ресурсов, хотя Юлия и вела аскетичный образ жизни, но при

этом как будто бы ни в чем себе и не отказывала. Ее особенной привычкой являлось ведение различных списков: абсолютно все она классифицировала на списки, так ей было проще работать, делать покупки, планировать время. А из положительных черт – ей была несвойственна лень и за работу она бралась с радостью. Ее резюме было выложено на российских сервисах по подбору репетиторов, через них на Юлию выходили студенты «Британки», студентом которой она и сама была когда-то, им она помогала с конспектами, лекциями, заданиями – со всем тем, с чем в свое время она справлялась на отлично. А также в Германии она подрабатывала онлайн, помогая в организации выставок. Этой работы было не очень много, так как она предлагала только онлайн-консультирование и при том очень выборочно возлагала на себя обязанности, все еще до сих пор часто вспоминая Люсель и то, какой необычной была эта девушка, за столь короткий промежуток жизни став частью жизни Юлии и изменив эту жизнь на сто восемьдесят градусов. И Юлия даже не бралась судить, хорошо это или плохо обернулось именно так для нее самой. Она лишь очень сожалела о том, что Люсель больше нет, и начинала очень бояться, когда мысли заводили ее к воспоминаниям, связанным с Эваном.

Утро этого дня словно с самого начала заявляло, что оно не будет обычным. Юлия обнаружила, что в нижнем ящике кухни осталась последняя из бутылок воды, которыми она закупалась для питья. К тому же, приготовив кофе, она заметила, что новой пачки сливок в холодильнике нет, а прежняя валяется в ведре пустой. Делать заказ было достаточно поздно: привезли бы его только к обеду. И ко всему прочему насмешка это была или нет, но в квартире отключили горячую воду.

«Не много ли неприятностей для меня одной в это утро?» – подумала рассерженная девушка.

Юлия решила тут же собраться и пойти в кофейню, освежиться прохладой утреннего ветра.

Накануне, когда она уже легла спать, Юлии нехотя пришлось вставать с постели закрывать окно, гуляющее из-за поднявшегося перед дождем ветра. Так все и случилось. Как только она накрепко закрыла задвижку на окне, прижав створку к раме, на улице затрещал асфальт от разбивающихся об него капель дождя. Наутро окна в квартире запотели от устоявшейся за ночь духоты, поэтому, выйдя на улицу и окунувшись в потоки свежего воздуха, Юлия отметила, как у нее тут же посвежела голова, а вместе с ней прояснились мысли и настроение заметно приподнялось.

Квартира Бебеля располагалась в эклектичном районе Шенеберг. Это был замечательный район западного Берлина с традиционной застройкой, множеством высокохудожественных улочек, парков и скверов, церквей, кафе, кофейен и кондитерских на любой вкус, во дворах было много зелени. Выйдя наконец-то из дома, Юлия смогла подметить для себя, какое это оказалось замечательное место, с прекрасной размеренной атмосферой, где было не так шумно и совсем не суетливо, если сравнивать с самым центром Берлина.

Эта прогулка потянула за собой и другие. Со временем Юлия стала часто выбираться из дома, сидеть в кафетериях, беря из киосков журналы по современному искусству. Она выбирала некоторые дни и посвящала их не тривиальным прогулкам, а посещению знаковых мест, находящихся недалеко от дома Бебеля, таких, например, как площадь Виктории-Луизы, названной в честь принцессы Виктории Луизы Прусской, единственной дочери Кайзера Вильгельма II. Площадь имела форму вытянутого шестиугольника, в центре которого располагался фонтан, на его перилах можно было сидеть, ощущая небольшую вибрацию и повторяющийся кратковременный одинаковый шум от поездов метро, проезжающих ровно под фонтаном по путям. Это был единственный шум в этом месте, его посещали только жители района. Для туристов же это место было то ли непримечательным, то ли неизвестным, или они просто до него не доходили или не замечали оттого, что он был скрыт за жизнью местных жителей.

Она начала чувствовать себя спокойно. Это было не то спокойствие, заключающееся для любого другого человека в смене жилья. Для Юлии это было чем-то значительно большим. Она перестала оглядываться, подходя к дому, прежде чем зайти в подъезд, перестала вздрагивать по ночам от приходящих во сны кошмаров. Идя в душ, она наконец-то перестала дрожать из-за холода от незакрытой двери, которую она оставляла открытой для того, чтобы слышать все то, что происходит в квартире, пока она в душе, будь то шум котла или звук остановившегося на ее площадке лифта. Ей было спокойно лишь тогда, когда она слышала только собственное дыхание. И это можно было принять за истерию, ведь свое дыхание можно слышать, только находясь в закрытом маленьком пространстве под водой. Но до этого Юлия и находилась морально в такой собственной замкнутой тюрьме. И только сейчас она поняла, что вокруг может проезжать поезд, разбиваться посуда, срываться на крик тысяча людей, но это никак не повлияет на твое спокойствие, потому что оно внутри тебя, а не снаружи. И твое дыхание или внутренний голос не способен заглушить никто. И сейчас она уже научилась получать удовольствие от простых вещей, о которых она словно на время забыла, находясь в какой-то спячке. Она нежилась под струями теплой воды, касающихся ее падающими каплями. И было так тепло оттого, что дверь в ванную оставалась закрытой. Спокойствие все чаще и подолгу задерживалось, обволакивая девушку. Даже вспоминая в голове свой последний разговор с Бебелем об Эване, Юлия не ощущала барабанной дробью мысли, она вспоминала обычный разговор, как и все другие, и волнение больше не подбиралось к самому горлу, давая развивать мысль, думать, а не пытаться убежать от нее.

Юлия даже не заметила, погружившись в свои мысли, разгоняемые струями горячей воды и в очередной раз обволакивающие ее тело, что сейчас заняло ее сознание – кто же в действительности является отцом Эвана, как наткнулась на мысль о некой Шмидт.

Глава 7

Франц вышел из центра, в котором провел и так очень много времени, и пошел в сторону канала по улице Аудекерксплейн, проходя мимо Старой церкви Ауде Керк. Задержавшись на минуту, он осмотрел величественное строение. Конструкция четырнадцатого века приковывала к себе взгляды, а из-за раннего времени и отсутствия большого количества туристов не поглазеть было бы недопустимой оплошностью. Колоссальные стены образовывали конструкцию из зданий разной высоты, напоминающие в ансамбле форму креста, финальным элементом которого служила колокольня высотой около семидесяти метров. Смесь фламандской готики и Ренессанса. Бебель знал эту церковь, так как много читал о ней, и ему очень хотелось и тогда, и сейчас зайти, но было то, что его останавливало, – надпись на медной пластине на хорах. Она гласила: «Ложная вера окончательно изгнана отсюда в 1578 г.». Именно из-за этой надписи, связанной с бурной эпохой Реформации, Бебель хорошо и запомнил статью, она буквально врезалась ему в голову. Верил ли он в Бога или нет, он точно не знал, но атеизм ему был близок, поэтому он решил все же не сеять ложь, которой не было в этих стенах, находящихся посреди улиц красных фонарей и хранящих в своем дворе так много веков памятник многоликой проститутки.

Пройдя дальше, до самого канала, Франц пошел вдоль него в сторону своего отеля «Интернациональ». Он был в Амстердаме несколько раз в коротких однодневных командировках, и жилье ему в те разы не требовалось, а сейчас он решил снять номер в отеле, чтобы провести здесь чуть больше времени. Да и много денег это не потребовало, хоть отель и располагался в самом центре, возле вокзала, в здании семнадцатого века, но был очень скромным. Бебелю достался номер под самой крышей, окна выходили на две стороны. Комната была обставлена стандартно, за исключением стола и двух стульев у окна, вид из которого был на колокола церкви Святого Николая. Внизу отеля, напротив, Бебель при заезде заметил китайский ресторан и бар неподалеку, которые планировал посетить, чтобы не все время находиться в постоянном напряжении.

Сев за стол, он принялся звонить по номеру, который ему дала Клара. На удивление – Бебель сам этого не ожидал – гудки прекратились и послышалось небольшое эхо: кто-то взял телефон.

– Рита? – обратился Бебель в негромкий фоновый шум, издаваемый динамиком телефона.

Женский голос прозвучал в ответ на английском:

– Пф-ф-ф, Ритка ему нужна, – усмехнулись в трубке. Эту фразу женский голос произнес не в сам динамик телефона, а поодаль, отведя руку с телефоном от уха, но динамик все равно передал все так, что Бебель отчетливо слышал каждое слово.

Насмешка не понравилась Бебелю, и он насупился, сведя брови.

– Ее здесь нет, – отрезали на другом конце провода, говоря уже непосредственно с Бебелем.

– Где я могу найти Риту? — продолжал Бебель.

– А вам она зачем?

– Хочу спросить ее о человеке, которого она когда-то хорошо знала.

– Я все равно не знаю, где она, что бы вам от нее ни было нужно, но если бы и знала, то, думаю, она бы ничего вам не сказала, потому что не вспомнила бы.

– И все же? Может, у вас есть другой номер телефона? – сыпал вопросами он.

Вдруг беседа прервалась, из динамиков послышался шум, шуршание, трубку как будто выхватили или уронили и подняли.

– Сказали же: нет ее, испарилась она, и след пропал, от нее остались только ее вещи, и то немного. Ничего ценного, одни какие-то бумаги, письма. Требуха. Если надо – забирай, надоело за коробки запинаться, а в комнате, в которой она жила, давно уже живут другие люди, – с ним говорила уже другая женщина – и по тону, и по манере, светская беседа прекратилась, начался жаргон.

– Прекрати, – послышалось опять издали с шуршанием, только уже значительно более удаляющимся в ухо, Бебель поежился.

– Ай, – Бебель схватился за ухо, в какой-то момент это превратилось в боль. Он решил перехватить инициативу на себя. – Назовите адрес, пожалуйста, – немного повысил он тон, чтобы стать заметным среди затянувшегося спора, доносящегося отголосками.

Его просьбу один из голосов воспринял как спасение от пререканий и выпалил адрес, после чего трубку сразу же повесили.

Глава 8

Когда Норма Шмидт была девочкой, ей всегда казалось, что она умнее, воспитаннее, прилежнее своих сверстников, отчего Норма частенько поучала, не стесняясь делала замечания, и часто жаловалась взрослым на непослушных детей, будучи их же возраста. Действительно, воспитание девочки было хорошим. Это отмечали и дома, и в школе. Она как-то рано начала интересоваться одеждой мамы, желая выглядеть взрослее, детские забавы находила скучными и старалась даже в разговорах взрослых пытаться проявить себя, чтобы заслужить место на равных. Но всерьез ее так никто и не воспринимал.

Спустя годы, при поступлении в институт, перед ней встал серьезный выбор того, на кого она могла бы пойти учиться, и она выбрала полицейскую академию. Когда она завалила экзамены, ее настигло серьезное разочарование. Норма никак не ждала от себя такого, но на удивление оставалась верной своему решению блюсти порядок, поэтому, выбрав направление в области социальной работы, окончила институт и вскоре устроилась в Югендамт, где основная ответственность заключалась в обеспечении благополучия и защиты детей. С полицией Югендамт был тесно связан в тех случаях, когда ей требовалось их вмешательство из-за нарушения законов или возможной опасности для детей.

Работа пришлась Норме по вкусу. Она по-настоящему стала взрослой Нормой, следящей за другими детьми. Ее первый рабочий день, тот, в который ей довелось надеть на себя форму инспектора Югендамта, был гротескным. Она ощутила, что ей больше не нужно доказывать свою значимость и пытаться быть больше по значению, старше по возрасту: все теперь сделает одно только ее положение. Вид у нее был важным, но надо отдать должное: она погружалась в работу рьяно и вскоре поняла, что откровенное ябедничество и желание, чтобы тебя похвалили на фоне других, никак не связаны с действительностью, в которой взрослые обижали детей, с детьми случались страшные истории, родные матери их бросали и никак не хотели быть ответственными. Она больше не искала в детях изъяны, она их пыталась защитить. К слову, своих детей у Нормы не было, ни в тридцать, ни в сорок, ни в пятьдесят она не смогла уже ими обзавестись, все больше уходя в работу. Ее сердце все мягчело и мягчело, и только ее начальник Мюллер не давал ей отдаться работе всецело, сердечно, постоянно подгоняя отчетами, формальностью, отстраненностью. Мюллера давно сломала система, убив какую-либо мотивацию, а осточертевшие отчеты, которые он выбивал из подчиненных кровью, он даже не читал, предпочитая им псевдонаучные статьи в тиши своего кабинета, не жалующего посетителей. Вразрез идущие цели начальника и подчиненной вызывали лишь раздражение у одного и постоянное чувство вины о том, что что-то сделано не так, у другой. К сожалению, в этом союзе Норме не хватало настойчивости и твердости, чтобы переломить сложившийся порядок, который Мюллер выстраивал здесь годами, уже почти подходя к своей пенсии. Каждый раз очередное разочарование в себе возвращало Норму мысленно в тот день, когда она провалила экзамены в академии, заставляя делать вывод постфактум о том, что она, скорее, занимается в жизни не своим делом.

Шло время, Норма старела, жизнь ее, к тому же бездетная, тускнела, как и мебель в ее рабочем кабинете, и только мысли о том, что по-настоящему полезной кому-то ей еще предстоит быть, спасали ее от периодически возникающей хандры и ощущения бесцельного нахождения в стенах здания Югендамта. Каждый новый день она мечтала прожить абсолютно по-новому, продолжая верить в себя и в то, что этот день еще не последний.

Звонок телефона в ее кабинете раздавался очень часто, звонил, как правило, Мюллер и приказным тоном отдавал задания, даже не думая о том, возможно ли их вообще было выполнить. Заведя привычку пометать номер очередного задания, Норма делала запись в своем ежедневнике. При общении с кем-то из коллег это могло бы стать поводом для отпускаемых ей хохм или даже пантомимных сценок, в которых из открываемого ежедневника вываливался бы этот список. Но, по правде сказать, все это бурлило лишь в фантазии Нормы, потому как свое положение в стенах Югендамта она оценивала слишком незначительным, чтобы навлекать на себя излишнее внимание своего начальника, к тому же чувство юмора у него отсутствовало напрочь и шутку бы он не оценил.

Норма буднично подняла трубку телефона и вопросительно протянула:

– Да-а-а?

– Добрый день, Норма? – обратились к ней, вопрошая в ответ.

Норма тут же внутренне собралась, понимая, что звонит не Мюллер.

– Да, это я, здравствуйте.

– Меня зовут Юлия Вергазова, я... я, – замешкалась девушка. – Это очень длинная история, и, мне кажется, вы могли бы мне помочь, – наконец-то начала выдавать речь целыми предложениями Юлия, собравшись с мыслями. – Могли бы мы встретиться?

– По какому вопросу? – насторожилась Норма. Ею давно никто не интересовался, жизнь ее превратилась в рутину, и она понятия не имела, зачем бы она вообще могла кому-то понадобиться.

– Я боюсь, с ходу вы можете не вспомнить единичный случай из вашей многолетней практики... да и у меня, – снова помедлила Юлия, – нет каких-то конкретных вопросов, – и,

очевидно подумав, добавила: – Мне бы хотелось узнать, что вообще вам известно и что вы сможете вспомнить по делу Эвана Кенига, мальчика, чья мать...

Юлия не успела закончить, как собеседница прервала ее: «Была найдена повешенной в собственном доме».

Юлия была удивлена и, оцепенев, протянула: «То-о-очно».

Да, Норма Шмидтд серьезно относилась к своей работе, и какие-то из дел врезались ей в сердце, как дело об Эване Кенниге.

Глава 9

Бебель думал, что окажется в неблагоприятном районе Амстердама, но на парижское гетто, которых там было сполна и на которых он насмотрелся, эти окрестности не походили. На его взгляд, юго-восточный Зейд-ост был просто районом ниже уровнем жизни, и то это не бросалось в глаза, а становилось заметным, если придирааться.

А лично Бебелю такие мысли напрашивались из-за наличия внутреннего ощущения, чего ему стоит ждать, куда он едет и зачем. Это предвкушение превращалось в омерзение. Вот это заведомо ожидаемое неблагополучие и окрашивало все то, что было вокруг. Но ничуть не потерянная архитектура, озеленение, ухоженные улочки разуверили его, хотя мигранты и часто попадались на глаза. Бебель добрался до нужного адреса минут за двадцать. На метро, от центральной станции железнодорожного вокзала, находящегося в непосредственной близости с отелем, в котором мужчина жил, доехав по желтой линии до станции «Гейн». Район Зейд-ост был достаточно отдален от центра, и турист никогда бы не забрел в него случайно, поэтому Бебель подготовился заранее, хорошо изучив карту.

С виду дом был хромой, словно перекошенный на одну сторону. Двухэтажный. На втором этаже в одной из квартир явно был пожар: вместо рам трех подряд окон зияли черные пустоты, словно ходы в берлоги с оставшимися на видимых частях следами от грязной мокрой шерсти. Несимметричные, словно штрихи от художественной кисти, которую макнули в стакан с уже грязной от смешавшихся красок водой, и неталантливо нанесли на предмет, который уже, похоже, ничем нельзя было испортить, а значит, было не жаль. Бебель чуял запах, не доносящийся до него в действительности, и не видел того, что было прямо перед глазами. Какой-то дурман охватил его, пелена. Праздный восторг, интерес, уверенность в своей правоте, будущей победе, в признании, в сопутствии удачи – всем этим Бебель был болен, несмотря на свою, казалось бы, обыденную приземленность.

Но и эта земля время от времени приминалась под ним от тяжести собственного чванства.

«Что это?» – раз за разом спрашивал себя опечаленный Франц, сталкиваясь с неудачей в очередной раз после столь завышенных требований к обстоятельствам, не находя ответа, понимая и ругая себя, однако переделать себя он уже никак не мог. «В конце концов, у каждого должен быть свой почерк», – все же находил для себя ответ Франц после долгих раздумий.

Оказавшись перед нужной дверью, Бебель позвонил в звонок, но, вероятно, тот не работал, потому что его не было слышно и к двери так никто и не подошел. Тогда он постучал. Дверь открыли. На пороге стояла женщина лет сорока, одетая в халат, выглядевший не слишком опрятно. Из помещения до Бебеля сразу же дошел запах сигарет и так обдал смог, что захотелось проморгаться.

– Здравствуйте... – успел только поздороваться он.

– Вы за вещами Ритки. Такие к нам редко заходят, – женщина хоть и сделала вроде бы ему комплимент, но видом этого никак не выразила, наоборот, безразлично отошла в сторону, освободив проход, тем самым показав Бебелю, что тот может войти.

Он вошел.

Квартира была насквозь пропитана запахом, не похожим ни на что определенное, но при этом очень неприятным. Буквально все источало его: стены, мимо которых медленно Бебель проходил, пол.

На полу в прихожей он еле прошел, умудрившись не наступить на чью-то обувь, ею был заставлен весь проход: бессчетное количество пар тапок, кед, сапог. Вся обувь была грязная, рваная, старая.

Ступая на половицы – щели между ними ходили ходуном, – он вспомнил, как в семилетнем возрасте ходил на уроки игры на пианино. Ему нравился запах, исходящий от инструмента в момент игры. Он нажимал на клавиши, из-под них вылетал воздух с приятным ароматом, то ли впитавшим духи преподавательницы, то ли это был запах дерева, залежавшегося бархата или сукна, а может, клея на сосновой древесине, какой-то такой дурманящий, мягкий, обволакивающий. А игра его, по словам педагога, становилась все эмоциональнее. Мальчиком Франц просто хотел, чтобы дыхание инструмента доносилось до него лучше, оттого-то он и прилагал усилия.

Сейчас он шел и видел на свету, как из-под половиц вылетают, поднимаясь вверх, струйки пыли, а вместе с тем до его носа доносится все тот же зловонный запах, которым здесь было пронизано все.

Проход по длинному коридору был чем-то загроможден. Франц шел за женщиной мимо проходов, ведущих, по всей видимости, в разные комнаты, но все двери были заперты. Помещение походило на общежитие или коммуналку.

Света было очень мало, только от ламп, висевших без плафонов, и то слишком тусклых. При таком освещении едва было что-то можно разглядеть вокруг, однако просматривались стены, на которых больше всего виднелись следы освещения. Наперекор всему остальному, стены были увешаны репродукциями работ с церковными мотивами. Работы были дешевыми, без рам, некоторые частично поврежденные, какие-то даже обугленные, это были репродукции полотен художников разных школ, эпох и стран. Из-за такого сумбурного скопления слишком разного все это выглядело нелепо, любой мотив на них казался сдержанным и блеклым. Когда Бебель стал осматриваться по сторонам, то начал замечать кое-где и другую церковную атрибутику. И как бы такое обилие картин с божественными ликами и кое-где давно потухшими лампадами ни выглядело в данном месте глупым, среди всего другого уродства смотреть хотелось как раз-таки на эту бессмысленность.

Они остановились возле двух коробок, стоявших друг на друге.

– Вот ее вещи, можете забирать, – женщина поводила рукой по воздуху туда-сюда, от коробок к двери и обратно.

– Можно просто взять их себе? – Бебель уточнил, чтобы быть уверенным в том, что на них больше никто не претендует.

– Да мы бы тебя не позвали. Зачем пришел, то и сделай, – женщина с легкостью уже попрощалась с вещами, как будто с обузой, – проход освободишь нам, избавишь от хлама.

– А почему сами тогда просто не выбросили, раз это хлам? – поинтересовался Бебель.

– Ждали хозяйку, – ответила женщина, крутя на пальце свободное кольцо, на которое были нанизаны с десятков ключей. – По первой ждали, потом же, черт бы с ней, лишь бы не появлялась, а коробки так и остались. Как о ней перестали думать, так и о них. Оглянись: здесь добра навалом, разве все упомнишь.

– Хорошо. Могу я задать вам несколько вопросов? – произнес Бебель и сам же испугался, не прозвучал ли его тон слишком официально.

– Стоп. Ты что, коп? – агрессивно спросила женщина, начав махать руками в сторону двери. – Давайте тогда...

Бебель поспешил ее утихомирить:

– Нет, нет, что вы! Успокойтесь, пожалуйста...

Женщина как будто больше не хотела тратить на эту формальность время:

– Раз нет – хорошо. Давай, бери коробки, и на выход, вместе с ними.

– Но я хотел спросить о Рите.

– А что о ней спрашивать. Была! И вот уже нет. Что спрашивать о человеке, которого нет? Слава богу.

– Вы думаете, ее нет в живых?

– Я вообще о ней не думаю! – оборвала его женщина. – Все, давай вали отсюда. – Женщина была груба, но незлобна; заметив свое же собственное бескультурье, она поправилась: – Идите уже, пожалуйста, отсюда, я ничем больше не смогу вам помочь. Мне нужно работать, времени уже навелось, – она показала на часы, – мне работать нужно, деньги нужны.

– Вы бы сразу так и сказали, – Бебель достал из кармана брюк кошелек и вынул из него купюру, протянул собеседнице банкноту в пятьдесят евро.

Женщина недовольно цокнула, оглянулась по сторонам, будто за ними кто-то мог смотреть, и, взяв деньги, процедила:

– У вас есть пять минут, идите за мной, на кухню.

На общей кухне даже при наличии окон света было так же мало. Полумрак, хотелось протереть глаза, несмотря на то что на улице стоял ясный день. Годами немытые два окна почти не просвечивали. В углу Бебель заметил печь, похожую на самодельную, с приоткрытой дверцей, за которой виднелись почерневшие контуры; казалось, она совсем неспособна давать тепло – только сажу и чад. И это при существовании центрального отопления, хотя здесь радиаторов видно не было.

– Давайте только побыстрее, пожалуйста, у меня много дел, – торопила Бебеля женщина, заметно нервничая при этом и ерзая на месте.

Бебель был удивлен. Если бы они стояли посреди роскошного дома, с ухоженным садом, лужайкой, фарфоровой посудой в буфете и вышитым гобеленом в рамках, висевшим на стенах, он был бы не удивлен, а наоборот, это было бы понятно, что такой дом требует титанического труда и что он не сам по себе просто хорошенький.

Но они стояли посреди места-катастрофы; даже если бы они взялись за него пару часов назад, то все равно бы до конца жизни не хватило времени, чтобы все здесь расчистить, вымыть, вытряхнуть, переставить, и вообще было непонятно, помогло бы это хоть что-то поменять тут в глобальном смысле. «О чем вообще думают люди, чем они заняты, которые здесь живут?» – пронеслась у Бебеля, словно мимо головы, мысль, которая не смогла даже уместиться в ней.

– Простите, – Бебель уже знал, что идет не туда, но он не смог этого сдержать, зажмурившись и вжав плечи, как ребенок, который заранее жалеет о том, что он делает; спросил, даже слегка приглушив тон: – Чем вы здесь занимаетесь, чем заняты? И кто эти люди, они снимают здесь у вас жилье?

– Мы? – она явно не ждала, что речь пойдет о ней самой, отчего, невольно усмехнувшись, добавила: – При чем здесь вообще мы? – и тут же поправилась, – я, – с раздражением сказала она, – я, мы, какая вообще разница, вы не об этом же хотели спросить, какого вообще черта вы...

Бебель не на шутку вывел из себя и без того раздраженную особу и решил сбавить градус, немного увести разговор в сторону, но лишь для того, чтобы, когда удастся спустить пар, вновь к нему вернуться.

– Простите, – проникновенно извинился он. – Я сказал «вы», потому что, когда звонил, другой женский голос перебивал вас. Как будто вмешивался в наш разговор, словно вы сама не в состоянии решить этот вопрос, – Бебель внимательно следил за реакцией собеседницы, главное было не перегнуть, – хотя вроде у вас все отлично получается, мы встретились благодаря вам.

Женщина заметно засмушалась. Наступила любимая часть Бебеля, если он оказывался в ситуации, которая не шла ему на руку. Козырь Бебеля – это сбор информации, которой он умел пользоваться, часто с выгодой для себя. Журналистское правило Франца Бебеля, которое нередко помогало ему достигать желаемого, гласило следующее: «Предложи свои условия». И после того, если жертве нравилось, что предлагал Бебель, вводя ее в то или в иное эмоциональное состояние, ситуация менялась в пользу журналиста.

В данном случае женщина, явно подавленная в своей среде обитания, наконец-то почувствовала поддержку, одобрение, внутренний подъем, относящийся к редко испытываемым ею ощущениям, но безусловно приятным. Отвергать такое было очень сложно, поэтому она и попалась.

– Она не всегда со мной ведет себя так, – начала оправдываться бедняжка, расправляя руками переднюю часть халата, в который была одета. – Это все из детства, она моя младшая сестра. Родители позволяли ей намного больше, чем мне, она была в нашей семье ребенком, а я лишь ее нянькой. Вот она и привыкла указывать мне, – с сожалением в голосе проговорила женщина, но тут же приободрилась и добавила: – Но так не всегда. Когда мы наедине, она хорошо ко мне относится, – тут же волной опустился тон, – иногда, когда хочет, мы с ней хорошо ладим, – небольшая пауза, и напоследок: – Родители давно погибли, она мой единственный родной человек, – на этой фразе у женщины в голосе появилась даже нотка нежности.

Бебель улыбнулся. Именно для нее. Получая новую порцию одобрения от него, собеседница должна думать, что он улыбается ей в ответ. Бебель ничуть не лукавил: он улыбался искренне, но другому. Его позабавило то, как взрослая, огрубевшая, повидавшая жизнь женщина, как ребенок, поддавалась на его уловку, попав на эмоциональные горки, на которых Бебель решил ее прокатить. «Ну и не такое видывали», – подумал он.

За долгие годы работы журналистом, общения с полицией, преступниками и другими лицами, жадно скрывающими информацию, – а это именно то, с чем он работал и чем жил, – он досконально изучил психологию, профайлинг и вывел для себя паттерны, которые отрабатывал в своей журналистской практике. Не считая это чем-то неэкологичным, он просто хорошо знал психологию людей. А точнее, стал лучше в ней разбираться за последний год, после своей последней неудачи с Эваном, когда он явно где-то уступил.

– Понимаю вас, не бойтесь брать инициативу: раз она младшая сестра, то нуждается в вашей опеке, хотя бы иногда, – он не стал углубляться в эту тему, на самом деле она не была ему интересной, а перешел к тому, что ему хотелось узнать: – Вы здесь вместе живете, да?

– Да, это наша квартира, она досталась нам давно, еще от Югендамта, когда родители погибли.

– Не буду спрашивать о родителях, чтобы не тревожить вас лишний раз, – на самом деле ему это было просто неважно, – и вы сдаете комнаты посуточно или на длительное время?

– По-разному, – женщина снова начала нервничать.

Бебель это уловил и понял, что эмоционально живо только то, что касается ее самой, сестры и родителей, на темах о чем-то другом она теряет концентрацию, ей становится неинтересно, и она не хочет говорить, возможно, это ее вообще не заботит. Он постарался вернуться на шаг назад:

– А вы с сестрой очень похожи? – он добродушно улыбнулся, но это не сработало, женщина погрубела.

– Мы близнецы.

– Интересно, – он мотнул головой и решил перейти в наступление: – Как вы познакомились с Ритой? Она снимала у вас жилье?

– Очевидно же, – безразлично сказала женщина.

– А как она нашла вас? – Бебель не терял надежду разговорить ее.

– Это надо бы у нее спросить, – съехидничала та.

– А вы знаете, где ее можно найти?

– Не знаю я, сколько раз можно это повторять, чтобы вы наконец-то поняли.

– Она вам сделала что-то плохое? Что вы не хотите говорить о ней, знать ее? – выдвинул свое предположение Бебель.

– Сделала! – вспыхнула женщина.

– Послушайте, что я из вас вытягиваю по слову. Расскажите все как было, и я уйду. Если вам нужны еще деньги, скажите, – доставая кошелек из брюк, проговорил Бебель.

– Нет, мне не нужны деньги. Я вам ничего больше не скажу. Берите коробки и уходите, – совсем похолодела женщина.

Бебелю это тоже уже весьма наскучило, и он направился в коридор, к коробкам, к которым до этого его подводила женщина. Наклонившись, поднял их, они оказались не очень тяжелыми, и направился к выходу. Проходя мимо стопок других коробок, разных вещей, которые были повсюду накиданы и как будто бы отчего-то здесь просто лежали без цели и надобности, Франц подумал: «Какое-то патологическое накопительство мертвой души».

– Оревуар! – Бебель решительно вышел из квартиры, заключив, что поток свежего воздуха ему сейчас явно не помешает.

Зайдя в номер отеля, Бебель, прежде чем взяться за работу, решил согреться. Погода за окном в середине апреля для Амстердама была прохладная, над городом повисло затянутое облаками небо, периодически поливал дождь.

Он зашел в номер, поставил коробки на входе, снял плащ и повесил его на крючок. Поясница Бебеля уже отваливалась, из-за чего хотелось лечь на кровать, немного ее выпрямить. Освободившись от коробок и сняв плащ, он именно так и сделал. Лег поперек кровати на спину. Буквально через пару минут, почувствовав сладостное расслабление, он дико захотел закурить. А пачка папирос осталась в плаще, он тяжело поднялся и направился в коридор. Подойдя к двери, взялся за край висящего плаща, чтобы его раскрыть, как веер. Ему в нос ударил тошнотворный запах. Тот самый, среди которого он так долго пробыл и которым успела пропитаться его одежда. А самыми зловонными были коробки, впитывавшие в себя эту вонь, вероятно, не один год.

Бебель в панике схватил пакет и принялся засовывать в него плащ, сдернутый с крючка, и так же рьяно начал сдирать с себя одежду и складывать ее в тот же полиэтиленовый пакет.

Коробки он перетащил в ванную комнату и включил вентиляцию. Раскрыв коробки, он увидел внутри них стопки бумаг и вывалил их на пол в ванной. На удивление от самих бумаг пахло только лишь залежавшейся бумагой, сами листы кое-где имели пожелтевшие края. Запах исходил от самих коробок, поэтому Бебель вынес их за пределы номера, выставил в коридор и, вернувшись в ванную, принялся раскладывать на полу бумаги, не нарушая хронологию, все ровно в том же порядке, в котором они были сложены.

Он начал осматривать ковер, выстилавшийся перед ним из бумаг, обрывков, даже старых документов. И были среди этого хлама старые фотографии, и даже детская книжка со сказками, и молитвослов. Последние никак не вязались с образом Риты, который у Бебеля выстроился в голове. Он начал поднимать с пола отдельные предметы и разглядывать их.

Обрывок книжной страницы:

*Если кто-то ищет здоровье,
спроси его сперва,
готов ли он в дальнейшем расстаться
со всеми причинами своей болезни, –
только тогда ты сможешь ему помочь.
Сократ*

Бебель отложил этот лист на столешницу раковины и принялся дальше скользить взглядом по предметам, ставшим единым полотном, лежавшим сейчас перед ним.

Он увидел аптечные рецепты и поднял их. Имя пациента, врача и диагноз оставались прежними. Менялся возраст и дозировка выписываемых препаратов.

Выдан – Рите Берзиной.

Возраст – 18 лет.

Диагноз – зависимость от психоактивных средств и расстройства, возникающие вследствие злоупотребления психоактивными веществами.

Несколько рецептов были закрыты и имели об этом отметку: «Погашен», некоторые даже не открыты, то есть по ним не брали лекарств. Бебель начал разбирать рецепты по дате их выдачи. Эти почти что одинаковые бумажки мелькали перед его глазами до тех пор, когда он не понял, что, пока он просчитывает в своей голове временные промежутки, между которыми он двигался, перебирая рецепты, в его поле зрения попали конверты, лежавшие там, внизу, на общем полотне. Он отложил рецепты и наклонился к конвертам. Они были очень помяты, некоторые порваны, с пожелтевшими краями. Кое-какие конверты явно пытались поджигать: края были обуглены. Бебель увидел конверт, на котором лучше всего сохранились данные отправителя и получателя. Его глаза при этом расширились. Он схватил письма и вышел из ванной. Ему буквально не хватало воздуха: от увиденного перехватило дыхание.

Ad (от нем. om): Carlota Koch

Kierberger Strasse 158 B

50321, Brühl

GERMANY

An (от нем. кому): Karl Koch

Oudezijds Achterburgwal 60h

1011, Amsterdam

NETHERLANDS

Он развернул письма и принялся их читать. «Как некрасиво, Бебель», – пронеслось у него в голове, но адреналин бил сильнее, да и делать ему приходилось это не впервой.

Его глаза бегали по строчкам, мысли опережали прочитываемое. Обрывки застревали в голове.

«...Прости, Карлота...», «...Я люблю тебя...», «...Вернись...».

Эти письма пересказывали жизнь двух людей. Двух людей, между которыми творилось то, что они сами, наверное, не смогли бы объяснить. Он ее горько любил. Она его жалела. Боялась. Презирала. Но не винила. Он ее винил. Она его – никогда. Она была взрослой, он – ребенком. Она была здоровой, он не был здоров. Это была горькая созависимость.

Она рассказывала, что вышла замуж, родила ребенка. Про ребенка, мальчика Эвана, она писала необыкновенные вещи. Она описывала его в этих письмах так, словно хотела передать, пересказать каждый шаг малыша очень подробно, детально. В письмах было и о том, когда тот произнес первое слово, и о том, когда впервые пополз. Она писала ему тексты песенок, колыбельных, которые ему пела. Она писала ему так, как пишут матери отцам своих детей.

«...Он очень похож на тебя...»

А сам он не спрашивал про ребенка. Все его письма были о том, каково ему живется одному и что никто не может заменить ее ему. Спрашивал про мужа, но Карлота или не отвечала, или, что случалось чаще, оставляла односложный ответ.

Дата на письмах не ставилась. Почтовые отметки были стерты или повреждены, так что разобрать даты было невозможно, но Бебель прочитал все письма. Их было около тридцати, и по логике содержания он понял, что, как ни странно, первое письмо отправила Карлу Карлота.

Она спрашивала, как он, как его дела. Она явно переживала за него. Станным было и то, что в каждом конверте находилось по два письма: письмо входящее и ответное.

А последнее письмо было от него. Очень короткое.

«Карлота, мне нужны деньги, пришли мне все, что у тебя есть, иначе у меня отнимут бизнес за мои долги и окон больше не будет. Я отдам тебе потом, пришли как можно скорее».

Больше писем, где поднималась бы тема денег или окон, не было. И писем с какими-либо благодарностями за присланные деньги – тоже.

Бебель почувствовал, что у него заболели глаза: рябь, напряжение. Он зажмурился и начал тереть кожу век руками. Как только он задумался об усталости, она моментально охватила все тело. Пока он читал письма, прошагал по номеру отеля не одну тысячу шагов. Снова открыв глаза, он сначала проморгался, чтобы начать видеть, и посмотрел на часы: начало четвертого утра. Он упал спиной на кровать и уставился в потолок: тот был таким светлым и чистым. Очень ровным, гладким. Глаза Бебеля слипались, но почему-то не хотелось поддаваться сонливости, он сопротивлялся. Мучился, но сопротивлялся. Он был еще в том настроении, которые несли эти письма. В его голове мысли будто опережали события. Он боялся узнать то, о чем, как ему казалось, он уже начал догадываться. И все равно было много потрачено сил за день, и сон оказался сильнее, он его свалил.

Утро наступило быстрее, чем могло бы показаться.

Бебель открыл глаза. Тот же белый, гладкий потолок, но освещаемый не светом прикроватной лампы, а светом, исходящим от выглянувшего за окном солнца. Бебель повернул голову на тумбу с часами.

– Боже, – простонал он.

Шея затекла, а в голове – соответствующая тяжесть. Еще один выдох разочарования – на часах 8:30. Ему даже не удалось нормально отдохнуть. «Во всем виноваты шторы, которых не было, чтобы задернуть их перед сном», – заключил Бебель.

Он с трудом поднялся с кровати. Весь поломанный, помятый, с больной головой. Хотелось курить. Из пачки, оставленной на тумбе, он достал сигарету, взял спички и подошел к отельному панорамному окну в пол, приоткрыл форточку. Рукой провел по сигарете. Ему стало внутренне легче, хоть и по-прежнему раскалывалась голова, а шея не поворачивалась. Но это привычное движение, которое он совершал каждый раз перед тем, как закурить, всегда дарило ему ощущение спокойствия. Это было то же самое чувство, которое возникает, когда нас окружает привычная обстановка: комфорт и спокойствие. Он закурил. Уперся стопой одной ноги в ногу другой в районе колена, а локтем свободной руки оперся в раму окна, ладонью придерживая голову.

Красиво. За окном и вправду было очень красиво. Город застыл. Именно город. Здания, колокола церкви Святого Николая, широкая улица Дамрак, соединяющая Центральный железнодорожный вокзал с площадью Дам, на которой много-много домов, отличающихся не только формой крыши, шириной фасада, цветом облицовочного материала, но и окнами.

Маленькие, странной формы, продолговатые, широкие, они создают дополнительную геометрию пряничным домикам Амстердама, или же, наоборот, в новых домах окна просто огромные, причем самое интересное – на окнах не было ни штор, ни жалюзи. Люди не боялись жить или работать напоказ.

Множество кафе, ресторанов, пунктов обмена валюты, магазинов и музеев – все это есть и будет здесь, вся эта архитектура многовековая. А вот люди, они разные; каждую минуту меняется наполнение улицы и курсирующие трамваи едут то на тебя, то от тебя.

«Город проснулся, пора и мне приниматься за работу», – подумал Бебель, докурив.

Он зашел в ванную, чтобы умыться и увидел не убранные с пола предметы. В голове снова пронеслись все те строчки, которые он вчера читал. И это уже не походило на тлен, хлам, а было чем-то большим, как чьи-то сокровища. Он наклонился и кое-где заметил виднеющиеся уголки

цветных карточек. Это были полароидные снимки. Он стал их разглядывать и понял, что эти фотографии прикладывала к письмам брату Карлота. На некоторых она была одна на фоне мест Германии, на других она была с ребенком на руках. В малыше узнавался Эван. Еще была одна фотография мужчины. Бебель присмотрелся и подумал, что это Карл, так как нашел сходство между ним и Карлотой, а они как раз были двойняшками. Однако уверен он в этом не был: фотография была старой. Еще на нескольких фотографиях была другая девушка, ее он не знал и подумал, что Рита, но это было лишь очередное его предположение. Он закончил строить догадки и принялся за дело, начав активно просматривать бумаги, искать адреса, телефоны. Сейчас его интересовала Рита.

Зазвонил телефон, лежащий на журнальном столике. Бебель перескочил через материалы, которые находились на полу, и поторопился в комнату.

– Merde (от франц. дерьмо (ругательное)), – выругался Бебель, тут же выдохнув, как будто спустил пар и, сложив руки намасте, тут же покался: – Travailler à la vigne de Seigneur (от франц. – работа в винограднике Господнем (что означает трудиться над спасением)).

В обычный день Бебель никогда бы не взял телефон, если бы видел, что звонит Лора, но, почувствовав вину за свою несдержанность, он не мог поступить иначе.

– Да, Лора, – протянул он в телефон с повиновением, но тут же, вспомнив свою практическую сторону, добавил, – Лора, я за границей, говори по делу, я работаю.

– Франц, привет. Ты что, разучился здороваться? – для Лоры, видимо, не было необычным, что Бебель поднял телефон. И возможность на этот раз поговорить с ним лично, а не с его автоответчиком, она радостно не восприняла. – Я пришло тебе счет за разговор, – съязвила она.

– Лора! – воскликнул Бебель, – Мы так и будем обсуждать телефонные счета и этические предпочтения? Или, может, все же скажешь что-то другое, новенькое? Выслушивать в свой адрес претензии от тебя в отношении нашего законченного брака мне даже как-то привычнее.

– Бебель, прекрати паясничать, – Лоре, по всей видимости, нравилось делать это самой, и ветвь первенства никому отдавать она не собиралась. – Я звоню тебе напомнить, что у моей мамы сегодня день рождения, и я не уверена, что за столько лет брака ты смог это запомнить, поэтому я звоню тебе сказать, чтобы ты ее поздравил.

– Да, Лора, спасибо. Ты права, я тот самый худший мужчина на всем континенте, которому никак и не при каких обстоятельствах и усилиях не запомнить никаких дат. И еще последняя для тебя новость заключается в том, что этот худший мужчина – твой бывший муж. И это, Лора, к твоему сожалению, никак не изменить, даже наш развод не меняет тот факт, что я твой муж, теперь только с приставкой «бывший». Всего доброго, и, если ты еще что-то захочешь мне сказать, неважно что, даже если то, что Франция перестала существовать, то пиши СМС, всего доброго, – последние два слова он произносил, уже оторвав ухо от телефонной трубки, поднеся динамик исключительно ко рту, дабы уберечь себя от Лориных выкриков несогласия на то, что ей озвучили.

Через секунду после того, как Бебель прекратил звонок, телефон издал звук, оповещающий о пришедшем СМС. «Не на континенте, а в мире. Лора».

– А если без подписи, то я что, не пойму, кто это? Женщины, вы все такие? – выкрикнул Бебель эту фразу, кидая телефон на кровать, и снова направился в ванную.

Он не помнил, конечно же, что сегодня день рождения матери Лоры. Но и зачем ему ее поздравлять, по мнению бывшей жены, он тоже не знал, но продолжал это делать. Вообще, его отношение ко всей этой ситуации было в его голове однозначным, скептик Франц мечтал лишь об одном: чтобы Лора поскорее вышла замуж. И чтобы кому-то другому приходилось поздравлять Лору и ее маму с днями рождения, Рождеством и Ханукой, потому что покойный отец Лоры был евреем.

Бебель, слишком заведенный, вновь зашел в ванную. И ему надоело сидеть на корточках, да и держать всю эту бумагу в ванной не имело смысла, так как сама бумага плохого запаха не источала, а от коробок он избавился. Он собрал в одну охапку все с пола и понес это в комнату. Положил на журнальный столик. По пути ожидаемо из стопки что-то успело выпасть на пол. Поднять с пола упавшее Бебель вернулся после того, как основную массу уже положил на стол.

Упали квитки о денежных переводах. Было всего две квитанции, и суммы были большие: обе по десять тысяч евро. Оба квитка были на имя Риты Берзиной.

«Откуда у наркоманки восемнадцати лет такие дарители?» – задумался Бебель, предполагив возраст девушки.

При этом он обратил внимание и на дату денежных переводов. «После убийства матери Эвана, – заключил он. – И страна отправления – Франция».

Бебель ничего не понимал. Но он знал только одно: ему нужна Рита.

Бебель позвонил в подразделение The Insider во Франции. Он не хотел этого делать. Ровно из-за того же, почему журналист французского происхождения работал в этой газете, но в немецком подразделении. Сделав Германию своим домом, во Франции он появлялся крайне редко, если только находился горячий материал, на который был спрос. Но такое случалось нечасто. The Insider во Франции больше занимался коммерцией, а немецкий – расследованиями. Францу это было интереснее, ну и делал он это не за копейки. Хотя последнее дело Адрианы Мерч и сделало его существенно богаче, но совсем не принесло морального удовлетворения. Неприятно было писать статьи, хоть и для первых полос, не о своей победе. Однако в этот раз он был настроен взять реванш, поэтому смог себя пересилить и позвонить в «неродной» The Insider.

Французский The Insider снова оказался сплошным разочарованием.

– Тоби, это просто какой-то провал. Чем они только там занимаются, даже об их мигрантах мы пишем. Они просто свалились в какое-то дилетантство! – кричал Франц в трубку, не сдерживая свои эмоции и расхаживая по номеру отеля.

На другом конце провода Тоби Фраунцкер, главный редактор газеты, в которой работал Бебель в Берлине, сидел в своем кресле в офисе, мучаясь от просматривания макета для следующей недели. Получить звонок от Бебеля в данный момент, а именно в пятницу вечером, в то время, когда еженедельно его душили согласованиями, связанными с выходом нового номера газеты в предстоящий понедельник, было крайне приятным. Было уже столько выходов газет за его карьеру, что он возненавидел этот, казалось бы, ответственный момент. «На допах поправим» – было его лозунгом. А вообще он был ответственным человеком, требовательным, с хорошим чувством юмора. Руководил газетой уже очень много лет, и успешно. Их подразделение считалось самым продуктивным. А Франц, помимо того, что был ведущим журналистом, был еще для Тоби и хорошим другом, пусть и полностью противоположным по характеру человеком. Серьезный, сдержанный, взвешенный и прагматичный Тоби поднял трубку, когда ему позвонил Бебель, да еще и в такое время. «Очередная просьба или истерика», – подумал Тоби и не ошибся.

– Франц, – еле втиснулся в поток сознания Франца Тоби. – Чего ты хотел, они не криминальное издание. И ты ошибаешься насчет дилетантов: они занимают свою нишу. Делают то, чего от них требуют. Ты ничего не понимаешь в издательском бизнесе, – как-то по-заботливому усмехнулся приятель, желая, чтобы Бебель немного успокоился.

– Но мне нужно узнать про переводы из Франции на адрес Риты; возможно, это связано с французской мафией. Суммы огромные, – Францу, как всегда, было все равно на то, что его пытались успокоить. Он был увлечен лишь тем, что его в данный момент интересовало.

– Франц, представь, что ты обратился в интернет-энциклопедию. Оставил свой запрос, а на него вышел ответ: «Страница по запросу еще не создавалась». Знаешь, что делают в таких

случаях? – спросил Тоби и продолжил, не дожидаясь ответа, – создают свои страницы, и тогда информация будет самой точной и правдивой, – с серьезным видом продолжал шутить над другом Тоби.

– Да, Тоби, послушай, – Бебель начинал злиться еще больше.

Но босс его тут же перебил, поняв, что с Бебелем сейчас не пошутить. Хоть Тоби и обрадовался ему, но, поняв, что тот заиклен сейчас на одном и иррационален, захотел вернуться к работе. Он предпочитал обсуждать с Бебелем дела, когда уровни их активности были примерно на одной отметке, так диалог был более конструктивным, чем в те случаи, когда сдержанный Тоби слушал эксцентричные мысли Бебеля, захватывающие его от пережитых ярких эмоций или впечатлений.

– Франц, подожди, пожалуйста, пятница, вечер, я согласовываю номер, давай мы вернемся к разговору хотя бы завтра, а лучше в понедельник, и ты мне все расскажешь, но только спокойнее, чем сейчас, хорошо? – не дождавшись ответа Бебеля, он положил трубку.

Когда ему было это на руку, Тоби пользовался своим положением начальника, и мог, как сейчас, к примеру, прекратить разговор, пусть и с другом. Вообще, глядя на них двоих, было слишком очевидно, почему один из них главный редактор, а другой – журналист, а не наоборот.

– Проклятие! – прокричал Франц, бросив телефон на кровать, и размахисто прошагал к окну. Примерно через минуту он уже остыл. И знал, конечно, что именно его несдержанность и привела к такому результату. Он слишком рассердился, что во Франции ему ничем не помогли. Звонить второй раз Тоби он не стал. Он хорошо знал его, чтобы не совершать подобную стратегическую ошибку.

Настроение Франца потухло, как фитиль, на который грубо дунули, и от умиротворяющего огня остался только неприятный дым. Мужчина побрел в кровать, взяв с собой ноутбук. По человеку всегда заметно, если он чем-то расстроен. Сведенные плечи, сгорбленная спина, согнутые колени, сжатые пальцы рук, неподвижная голова, обреченно свисающая с плеч, взгляд, устремленный под ноги, шаг, глухо касающийся опорной поверхности. Примерно так и шел к постели Франц. Казалось, что вся тяжесть тянула его вниз, потому что в руках он держал ноутбук, но это было не так. Его тяготило сердце.

Самое худшее в профессии журналиста – заблудиться, не зная, куда идти дальше. Францу приходилось с таким сталкиваться и раньше, но такая меланхолия не вдохновляла, наоборот, она была некой силой, которая появлялась, стоило хоть на секунду усомниться в себе, в любом месте, где бы ты ни находился, и тут же, невзирая на окружающее тебя пространство, ставила вокруг тебя стены. Возводила, начиная где-то вдалеке, одну за другой, и еще. Сужала твоё пространство до маленькой, крошечной коробочки, в которой только ты. А напротив твоего глаза – глазок, чтобы ты мог смотреть и понимать, что за возведенными пределами до сих пор кипит жизнь, до сих пор яркие краски, свобода действий, другие люди, разные города и страны. И как бы удивительно ни было, но только находясь в своей маленькой коробочке, ты заново понимаешь, какой там, за стенами, большой и бескрайний мир и сколько в нем возможностей. У всех есть возможности, кроме тебя в твоём ограниченном пространстве.

Бебель мог еще долго находиться в этом состоянии. Такое с ним случалось и раньше. Сложно объяснить, что это было на самом деле. Внутренний мир человека, его страхи, самоанализ, критическое мышление, но для себя он определял это как стоп-кадр, как щелчок затвора фотоаппарата, в котором открылась крышка, куда нужно вставлять моток с пленкой. «Рулон кончился, пора его сменить», – появлялось где-то в его сознании. И он менял, готовясь делать новые кадры свежим взглядом. Прообразы – это самое интересное, что может быть в психике человека. Благодаря им он считывает мир, способен жить, убивать или умирать. Ведь все не то, чем кажется. Суметь найти выход из пустоты, из ничего, стоя в тупике, – это очень много. И «много» Бебеля началось тогда, когда он сидел в номере отеля. Злился на себя за

то, что не раскрыл дело Эвана Кенига, ждал Юлию Вергазову, чтобы взять у нее интервью, и ощущал душащую его обидой тоску от разочарования в себе. Тогда-то он и угодил снова в свою суженную донельзя жизнь с глазком напротив глаза. А в этом глазке была Юлия. И слушая ее, понимая ее чувства, он вдруг понял, что выход есть всегда. Тогда-то впервые и произошло то, что он увидел свою крошечную коробочку сверху, словно возвысившись над ней, и получилось, что ограждающие стены не что иное, как всего лишь части лабиринта, то есть не соединяющиеся между собой, создающие углы стены, а надстроенные друг перед другом, не запирающие, а лишь преграждающие, и выход в конце концов есть. Это было потрясающее чувство, награждающее словно крыльями или дающее вдохнуть свежего воздуха после душной комнаты, в которой ты переживал дождь. После он много раз пробовал взглянуть на себя сверху, но не всегда получалось сразу же. А спустя время, натаскавшись, сделал это своим стилем жизни. Он перестал замечать даже такие моменты, как поиск лабиринта. А потому и выход из него был, с чем он увереннее и лучше начал справляться.

И вот так вечер после звонка в гостинице стал как будто чуточку грустнее обычного. Он завалился на кровать. Матрас был настолько податлив, что, оказываясь на кровати, Бебель тут же словно утонул в нем, и его пояснице и шее тут же становилось легче. Обычно это действие вело за собой его быстрое засыпание, но в этот раз у Бебеля были другие планы.

Он слегка приподнялся и облокотился на спинку кровати у самого изголовья, подтянув все тело сильным упором пяток к полужесткой поверхности. Ноутбук положил на бедра и включил его, открыв крышку.

Бебелю необходимо было просмотреть почту, ответить на письма, написать заметки по делу и обязательно оплатить счета из-за подходящего к концу оплаты периода. Неорганизованность часто его подводила, поэтому он старался работать над собственным контролем, что, в свою очередь, сильно раздражало, ведь от этого он не становился более организованным, а лишь приобретал нервозность, думая постоянно лишь о том, чтобы не забыть заплатить за воду.

Бебель скользил глазами по почтовому ящику, открывал рандомно письма, тут же переключался на другие, сворачивал и открывал разные окна. Сосредоточиться у него никак не получалось, либо же он тянул время, но момент настал, и он рьяно нажал на кнопку браузера и в поисковой строке молниеносно набрал: – Маргарита Берзина, – и ударил по кнопке Inter, запустив поиск.

Браузер выдал Бебелю не просто адресные строчки с короткими заголовками, перед его глазами появилась фотография женщины лет сорока на вид, стоящей напротив окна офисного здания, в костюме идеального кроя, с уложенными волосами и жемчужными сережками, украшающими мочки ушей. Подпись к фотографии гласила: «Маргарита Берзина, генеральный директор».

Бебель долго всматривался в фотографию. Мозг предательски твердил, что так просто найти выход невозможно, да и не может та женщина, портрет которой у него уже засел в голове, быть ею.

Глава 10

Было непросто записаться на личный прием, не имея для этого существенных обстоятельств: «по делу» или «вопросу».

– По какому вопросу? – пытала Бебеля секретарь Берзиной по телефону.

Но все же, судя и по информации в прессе, которую за ночь успел перелопатить журналист, и по тому, что во встрече ему в конечном счете не отказали, компания была весьма открытой, прозрачной, как сказали бы менеджеры различных звеньев, но именно это и казалось повидавшему виды журналисту весьма подозрительным, хоть он и отгонял плохие мысли, убеждая себя в удачливости.

В деловом районе Амстердама, в Северной Голландии, известном как «Финансовая миля» или Зейдас, среди офисных зданий стояло девятиэтажное сооружение, фасадное остек-

ление которого с контрастным профилем, окрашенным в темный цвет, привлекало всеобщее внимание. А подойдя ближе, Бебель невольно задрал голову. На самой верхушке, обтекая купол, располагалась металлическая конструкция, на которой Франц прочитал: RIFARMTAinc.

Первый этаж и его зоны, доступные для посетителей, выглядели очень лаконично. На входе в глаза бросалась стойка во всю стену напротив, встречающая посетителей с уже знакомой Бебелю вывеской. Правее от вывески размещалась вереница часов с названием столиц разных стран. Нужно отдать должное: обратив на это внимание, Бебель автоматически поднял в голове имиджевую планку корпорации. В самом дальнем углу фойе размещался большой металлический шкаф со множеством ячеек для корреспонденции, а по другую сторону от стойки стоял журнальный столик с кожаными креслами, кофейный автомат и турникеты.

– Франц Бебель, – девушка, которая, по всей видимости, сидела за высокой стойкой (Франц не заметил ее, пока осматривался), окликнула его.

– Да, это я, – подсобрался он тут же, направившись к стойке.

– Вы можете проходить, вас ожидают, – девушка протянула ему пластиковую карточку. – Необходимо приложить ее к электронному замку, установленному перед турникетом. Когда загорится зеленый сигнал, можете проходить. Карточку сохраните до выхода. Тогда карту нужно будет вставить в разъем, и сразу же загорится зеленый сигнал, и вы сможете выйти. Карту ждать не нужно, она вам не вернется.

– Да, спасибо, – Франц приятно удивился чистой немецкой речи, провел картой по поверхности стойки и забрал ее.

– Вам на девятый этаж по ближнему лифту, – услышал Бебель донесшейся до него тонкий голос девушки, когда уже прошел турникет.

Бебель обратил внимание на слова «ближний лифт».

«Интересно», – подумал он.

Оказавшись перед лифтами, он заметил, что три двери лифта находятся рядом и у них одна кнопка вызова, а остальные двери – и их намного больше – находятся чуть поодаль за остеклением. Присмотревшись, он заметил таблички. У тех лифтов, рядом с которыми он стоял, было написано: «Для посетителей», за стеклом – «Для сотрудников».

Оказавшись в лифте, он усмехнулся.

– Конечно же, как я не догадался, – из кнопок там была лишь одна кнопка с цифрой девять, это означало, что доступ для посетителей разрешен только на девятый этаж.

Бебель вышел из кабины.

Одни сплошные горизонтальные перегородки, окрашенные в тот же темный цвет, что и фасад. Но при этом ощущения, будто ты в одном сплошном черном лабиринте, не создавалось, благодаря большой площади атмосфера, напротив, была воздушной и открытой.

Бебель не успел осмотреться: на этаже его встретила девушка, как ему показалось, та же, что и внизу. Он этому удивился, но, вскоре заметив вдалеке еще одну сотрудницу, он понял, что дело в одинаковой одежде, которую все они носили.

– За мной, пожалуйста, – уже на английском, почти механически, незаинтересованно, холодно и без каких-либо любезностей произнесла дама, проследовавшая к однотонной матовой непрозрачной стеклянной двери.

И вот Бебель оказался в нужном ему кабинете, и перед ним женщина, стоявшая у панорамного окна, из-за ее плеча Бебель видел, какой ей открывается вид. На секунду проскочила мысль о том, как бы он сам хотел стоять и разглядывать город с такой высоты. Но мысль быстро улетучилась, когда, замечтавшись среди этого холодного здания, он наконец-то встретил «живые» глаза. Женщина обернулась. У нее и в самом деле были необыкновенные глаза – интересные, в них словно запечатлилось все, на что она сейчас смотрела из окна с легким налетом, будто негативным снимком, в изображение которого хотелось всматриваться. Он

настолько еле улавливался, что казалось, вот-вот исчезнет, и эти глаза начнут вбирать в себя новый оттиск, и Бебель сможет видеть в их отражении лишь себя. Когда внимание рассеялось, а женщина подошла ближе, Бебель понял, что его привлекло в этих глазах – то, что они были разных цветов. Один – светлый каре-желтый, другой – болотисто-зеленого цвета. Было еще кое-что – это хитрый прищур.

«Или показалось?» – подумал Бебель.

«Показалось», – заключил он, когда женщина заговорила; ее глаза при этом расслабились, зрачки расширились, и взгляд стал мягче.

– Добрый день, вот вы здесь, – сделала паузу женщина – вы так настойчиво рвались попасть ко мне на встречу, – сказала она и продолжила: – Для чего? – приподняла она одну бровь.

Женщина выглядела безупречно. Она была одета по всем канонам делового стиля. Уложенные волосы, опрятный маникюр. Бебель не то чтобы рассматривал ее, у него это как-то считывалось автоматически, что он сразу же понял: эта женщина, как говорится, с лоском. И, возможно, это не тот лоск, о котором подумала бы, например, другая женщина, скажи ей слово «лоск». В отношении женщины это способен понять только мужчина, и даже такой невнимательный, как Бебель.

– Вы Рита Берзина? – Бебель задал беспрецедентно глупый вопрос. Если даже сам по себе вопрос не был глупым, то, находясь уже здесь, мужчина выглядел глупо, задавая его.

Женщина не оставила это без внимания.

– Что это за вопрос? – женщина повела бровью и тут же, продолжая смотреть на Бебеля, повернула лицо так, что ему была видна лишь половина, другая половина находилась в тени. Что-то в этом было такое, что привлекало его внимание; как будто, даже не дав ему ответ, его уже в чем-то обманывали, и он смотрел словно на лукавый полумесяц.

Бебель не хотел, чтобы с ним играли в какие-то игры, а эта женщина явно была такой по своей манере. Он не желал, чтобы этот разговор был пустым, обо всем и ни о чем, и поэтому он решил идти на абордаж, но, как только он открыл рот, его опередили. Он точно недооценил оппонента, хоть и успел уже сделать немало выводов о ней.

– Я вас знаю, Франц. Вы мне интересны, – умиротворенно, с расстановкой произнесла женщина, при этом расслабив хватку и успокоившись внешне. Она сменила позу и жестом пригласила Бебеля присесть напротив, сама же заняла место в кресле.

Бебель постарался не показывать своего удивления. Он понял, что не так уж он и владеет ситуацией, как ему казалось вначале, и что стоит быть очень внимательным.

– Если вы знаете меня, то поведайте, что вам известно, – выдал Франц.

– Зачем? Я же все знаю, – усмехнулась женщина. – Это вы сюда пришли, – продолжила она, – значит, хотите узнать что-то вы. Спрашивайте, – последнее слово женщина произнесла, словно вызов.

Обескураженный Бебель растерялся. В голове было столько мыслей, которые, путаясь между собой, путали и его. Не такую Риту рассчитывал найти Бебель. Вообще не такую, даже близко не похожую.

– Вы знали Карла, Рита? – спросил наконец-то он.

– Вы думаете, я вот так возьму и начну вам рассказывать об этом? – ответила Рита.

– Думаю, да, потому что мне тоже удалось о вас уже кое-что узнать, – деловито проговорил Бебель.

– И что же? – легко спросила женщина, словно просто поддерживала пустой разговор.

– Вы бывшая, бывшая, по всей видимости, – поправился Бебель, – наркоманка, и мне очень интересно узнать, как такая девушка, о которой я наслышан, слоняющаяся по кварталу

красных фонарей, оказалась здесь. Не знаю, в какой степени владелицей, ведь это корпорация, исходя из названия, но то, что вы занимаете значимое место, – это очевидно.

– Хм, – засмеялась женщина, – в полной степени я являюсь единоличным генеральным директором этой корпорации. И чтобы вам было известно, здесь, в Голландии, у нас Исследовательский институт развития ядерной медицины, а во Франции – фармацевтическая компания. Мы ведем совместные научные проекты со многими европейскими организациями, например, такими, как CERN («Церн»), – это одна из крупнейших лабораторий в мире, занимающаяся физикой высоких энергий. Корпорация спонсирует лечебно-оздоровительные учреждения по всему миру. И да, меня зовут Рита, и моя девичья фамилия – Берзина, – поправила она Бебель и продолжила: – Это максимум, что я могу вам рассказать о себе. С чего же вы взяли, что я начну вам рассказывать большее, друг мой, я не знаю, – повторяла женщина, искренне при этом удивляясь и вычурно пожимая плечами.

– Потому, что я знаю ваш секрет, – посмотрел Бебель на реакцию женщины на его слова. Реакции никакой не было. Она сохраняла полное спокойствие, и тогда он решил раскрыть карты и получить или то, что ему было нужно, или остаться ни с чем. – У вас же нет своих детей? Верно? – он не дожидался ответов, лишь внимательно следил за ее реакцией. Важно было не упустить ни единого движения, даже ресницами. – И нет детей, которые бы находились на воспитании в какой-нибудь больнице, предположим, в Берлине? – улыбка с лица женщины начала сходить, а Бебель продолжил: – Тогда это могло бы быть совпадением, что в берлинской больнице «Шарите» получали крупные денежные средства на имя одного из воспитанников, Эвана Кенига, – говорил загадками Франц, – но, – оживился он, – есть еще один нюанс, который стал мне известен совсем недавно. Эти суммы, причем достаточно крупные, приходили от имени юридического лица, и этим лицом оказалась ваша корпорация. Представляете, Рита? – наконец-таки обратился Бебель к женщине.

– Представляю! – заявила Рита. – Мы постоянно помогаем детям, больницам, приютам, это входит в нашу миссию, это часть ДНК нашей корпорации.

– Да, безусловно. Я прочитал о вашей миссии, ваших целях, планах, осознанности, прогрессе и технологичности, перед тем как идти сюда. Но вернемся к моим вопросам: вы были знакомы с мужчиной по имени Карл? – настаивал на своем Бебель.

– Хорошо, не отвечайте, я продолжу сам, – всем видом показал Бебель то, как он осведомлен в ситуации, – ваши отчисления, – тут же он поправил себя сам, – хорошо, не ваши, а вашей компании, предназначались для счета вышеупомянутого сироты Эвана. Хочу вас сразу же огорчить: деньги мальчик не получал, так как вы, наверное, не знали, но у больницы «Шарите» слишком плохая репутация, чтобы меняющиеся в ней главные врачи могли бы быть чьими-то поручителями. Но интересно другое: сиротой Эван стал по случаю... – Бебель не закончил.

– Значит, то, что мне о вас известно, то, что вы занимались делом Эвана, – это правда? – поинтересовалась собеседница Франца.

– Да, – сухо ответил Бебель. – И, по всей видимости, вы тоже навели справки обо мне.

– Безусловно, – утвердила женщина. – И сейчас вы продолжаете им заниматься? Зачем вы пришли ко мне, вы можете мне ответить? Вы продолжаете писать статью или хотите ее написать? – женщину заметно охватило какое-то раздражение.

– Я пытаюсь узнать, как вы связаны с Эваном. Хочу узнать, кто был его отцом, кто убил его мать. Я хочу помочь ему. Возможно, с ним поступили ужасно несправедливо, поместив вместо больницы в самую строгую тюрьму Баварии, – страстно отвечал Бебель с чувством человека, которому все это было небезразлично.

– Франц, верно? – уточнила женщина.

– Да, – сухо ответил Бебель, не поверив этой уловке.

– Я поняла, чем вы отличаетесь от обычных журналистов. Все факты говорят о вас как о порядочном человеке: дали раскрыть свое дело другому, русской девушке, причем собствен-

норучно написали статью, где все лавры отдали ей, пожертвовав своей карьерой и репутацией. И если, как я сейчас вижу, все, чем вы интересуетесь, – это не праздный интерес, а дело вашей чести, то лучше вы узнаете все от меня, чем вам кто-то насудачит, – заключила женщина, но, заметив в глазах Бебеля появившийся блеск, добавила: – Только мы заключим сделку о том, что это сотрудничество принесет лишь пользу, никому не навредит и останется полностью конфиденциальным.

– Если для того, чтобы помочь Эвану, мне придется обнародовать некоторые материалы, я смогу это сделать без указания на вашу корпорацию, ваше имя?

– Да, но обсуждая это со мной, согласовывая каждое слово, иногда я вижу то, что другие не видят, и у меня нет журналистского опыта, но я давно в игре с крупными акулами, враги не дремлют, не хочу преподносить им «подарки», – сделала паузу женщина. – И, Бебель, – продолжила она, – учтите, вы сыграли на моих чувствах, и я пошла на это. Мало людей, которые думают еще о ком-то, кроме себя, но, если вы нарушите нашу договоренность, вы об этом очень пожалеете.

– Вы угрожаете мне, – смутился Бебель, ему не понравилась позиция, в которую его решили поместить.

– Нет, что вы. Просто, когда заключают сделки, обсуждают не только положительные стороны контракта, но и плохие, – улыбнулась женщина. – Как вам удалось узнать о моем прошлом? – сразу же перешла к интересующим ее вопросам Рита.

– Скажем так, мне посчастливилось встретить людей из вашего прошлого.

– Кто это был?

– Это и правда имеет для вас значение?

– Мне это интересно, потому что большинство людей из моего прошлого давно погибли. И вот интересно, кто еще остался в живых, – с прискорбием произнесла Рита. Было не совсем понятно, насколько искренне ее интонация и выражение лица отражали ее подлинные чувства.

– Этот человек не имеет отношения к наркотикам и их употреблению, если вы об этом. В связи с этим у меня к вам вопрос: как удалось остаться живой вам? Насколько я понимаю, вы были в сильном употреблении. Вместе с Карлом.

Женщина медленно встала и подошла к окну, окинув взглядом весь вид, простирающийся перед ней и тяжело вздохнув. Бебель представил, как Рита мысленно возвращается в то непростое, по всей видимости, для нее время, и подумал, как давно это было, вспомнив на секунду самого себя двадцать лет назад. Но, не задержавшись в этих воспоминаниях, он отвлекся на слова, эхом прозвучавшие в воздухе.

– Как давно это было, – произнесла Рита, сняв с уст Бебеля эту фразу.

Рита вернулась в кресло и предалась воспоминаниям.

– Карл-л-л-л, – протянула она, – я знала его, – с горечью в голосе произнесла женщина. – Мы были в жизни друг друга, но это была другая жизнь. – Рита начала мотать головой, словно сама отвергая то, что она говорила, или не веря этому, или противясь, она цокала, поджимала нижнюю губу, она явно пыталась таким образом бороться со стыдом прошлого. Как-то адаптироваться к тому, что ей придется заново приоткрыть ту дверь, в которую так страшно было долгое время входить. – Да, я виновата перед ним, но и он не был ангелом. Время, среда обитания – все это предполагало и располагало, а Карл вначале был средством, а после я влюбилась в него. Это было так отравляюще, токсично; если я и должна была умереть, так это от этого, а не от наркотиков. Чтобы вы меня поняли, я начну свой рассказ в немного странной, возможно, для вас последовательности, но я уверена, вы все поймете, но позже. После того как весь тот кошмар с Карлом для меня закончился и спустя еще некоторое время, я вышла замуж за очень влиятельного человека, но это длилось не очень долго. Жизнь в какой-то момент потеряла смысл. Мне нечем было заняться. Звучит очень странно. Каждый человек решил бы сейчас для себя, что ему всегда есть чем заниматься, и это лишь говорит о том, что у такого человека есть

смысл в жизни. Потому что человек жив, откуда он благодарен за любую обычную, обыденную вещь в своей жизни. И видит смысл каждого своего дня. У меня же этого смысла не было. Меня его лишили. Да, внутри того мира, в котором я жила с поездками, покупками, доступностью ко всему, представляете, с возможностью весь мир иметь под ногами, мой же внутренний мир был сужен до размера меньше уборной в авиалайнере, – начала Рита. – Бывших наркоманов не бывает. Они могут физически не употреблять наркотики, общество будет ими довольны, но! Во время употребления повреждаются структуры мозга, гипофиз, из-за чего перестают вырабатываться гормоны счастья, серотонин, эндорфин, отчего очень сложно, почти невозможно получать удовольствие от жизни. И бывший наркоман может больше никогда не употреблять, быть в постоянной ремиссии, но лично ему это не принесет никакого удовольствия, и ничего в жизни ему не принесет удовольствия, какой бы жизнью он ни жил. Его жизнь – жизнь в постоянной депрессии. И меня настигла та самая страшная депрессия. Вокруг меня были люди, которые словно полностью обладали моей жизнью. Главарь банды, которому я помогла прибрать к рукам окна, спас меня от физической смерти. Меня положили в клинику, я прошла весь курс терапии от зависимости, и, как бы я никогда не верила в то, что наркомана можно вылечить, я сама оказалась такой наркоманкой, меня вытащили с того света, и мой ад начался на этой земле, – усмехнулась она. – Парадоксально, но только сейчас, спустя много лет, когда та жизнь для меня словно жизнь другого человека, когда так много было мной изучено, со столько-кими людьми я говорила за эту свою жизнь, я могу сказать, что такое зависимость и откуда она берется снова и снова. Я знаю причину этого, – девушка говорила так быстро, так складно, словно она ждала все это время, чтобы с кем-то этим поделиться, и это время наконец-то пришло. – Внешне, когда ты избавляешься от зависимости, ты выглядишь очень плохо, ты умираешь не от наркотиков, а от нехватки их. Должно пройти много времени, чтобы вернуть коже здоровый вид, чтобы на щеках заиграл румянец, тело стало послушным, речь – ровной, без прерываний, движения – плавными, и, как только наступает этот момент, внешне ты начинаешь казаться окружающим здоровой, все смотрят на тебя, и ты видишь в их глазах свет оттого, что их уверенность в том, что тебя спасли, усиливается с каждой минутой, но есть одна большая проблема того человека, которого так настойчиво все спасают, – это то, что он ощущает себя хуже всего, его тяга никуда не делась, он просто делает то, чего от него все ждут. Именно по этой причине случаются срывы, потому что ощущение, что кто-то избавился от наркотиков, – оно ненастоящее.

– В вашем случае было так же? – заинтересовался Бебель.

– Нет, в моем случае было абсолютно не так, – она отвела взгляд в сторону, устремив его в окно, прищурившись и нахмутив брови, будто вспоминая то неприятное, что долгое время забывала специально, прикладывая к этому усилия. – Со мной были рядом люди. Всегда. Меня никуда не выпускали. Я жила в одной комнате, истерить не было смысла: в любой момент меня могли связать или дать седативный препарат. Меня передержали от соблазна. Я назвала бы это так, потому что, если бы было иначе, я бы сорвалась. И я очень благодарна за то, что я сейчас стою перед вами живая, потому что раньше это была не жизнь. Хотя порой я задаюсь вопросом: если раньше мне удавалось ощущать всем телом, всеми чувствами, каждой своей клеткой эмоции, ощущения, а сейчас этого нет, теперь я постоянно чувствую предательский холод одиночества, он не заменяется и не перекрывается ничем и никем, когда тогда была настоящая жизнь? И еще такой у меня вопрос: где ад? Он здесь или где-то в другом месте, и будет еще хуже?

– Рита, мне очень жаль, что вам так тяжело вспоминать это, – Бебель заметил, как по щеке женщины скатилась слеза, а за ней следом еще и еще. Ему стало неловко, он почувствовал себя виноватым. – Но вы сейчас здесь, я и подумать даже не мог, что найду вас в этом месте и в такой должности. Вы к этому пришли. То было в прошлом, главное-то, что сейчас, – Бебель

был в недоумении от себя самого, он не знал о себе, что может быть таким чувствительным и что у него получится подобрать нужные слова.

– Я это все украла, – отрезала непреклонная женщина, – послушайте мою историю.

– Когда мы с Карлом ежедневно сидели на дури слоняясь по окрестностям, словно живые трупы, он не мог заниматься окнами, заработок пропал. Он начал добывать наркотики в долг. Наркоманов не считают за людей, с ними и обходятся не по-людски. Он брал много дряни, но ему в долг все равно записывали несоизмеримые с этим суммы. Долг рос очень быстро, и, когда образовалась уж очень большая сумма, к нему стали приходить люди, так называемая крыша тех, кому он был должен. Это все превратилось в постоянные разборки, драки, его избивали до полусмерти, а платить нам все равно было нечем. Я не знаю, как вообще запомнила те дни: я постоянно была в измененном состоянии; лишь чувство страха, наверное, перебивало героиновый сон. Это как с психопатами. Психологи объясняют, что у таких людей нет ценностей, нет эмпатии, нет чувств, они могут попытаться сделать вид, что сопереживают или что-то понимают, что им говорят другие люди, которые по-настоящему ощущают, например, боль, но наркоманы, как и психопаты, неспособны этого ощутить и по-настоящему прочувствовать. Но есть лишь одно средство, через которое их можно вывести на настоящие эмоции, заставить нейронные связи работать, а голову думать, – это страх. Их можно напугать по-настоящему. Взять на понт не выйдет, это должно быть настоящее чувство, которое будет стучать наркоману в голову из-под самой корки головного мозга, это должен быть парализующий страх. Нам тогда было очень страшно, с нами не шутили, наркотики даже не перебивали это чувство ужаса, ощущение близкой смерти. Он хотел было начать брать деньги в долг, но это было невозможно. Это то же самое, что играть в мячик со стеной: как бы ты сильно ни бил, пусть даже изо всех сил, мяч все равно отскочит и вновь полетит в твою сторону. Никто не выиграет в этом случае, ты снова и снова будешь только проигрывать. Так же было и у Карла. Смотреть было жалко. Но мои мозги не соображали вовсе. Он написал письмо сестре, в котором просил о деньгах, – на этих словах женщина резко замолчала. Она зажала рот рукой, так, как будто ей было страшно то ли за то, что она скажет, то ли за то, что она уже сказала.

Она молчала около двух минут, и Франц решил вновь попытаться развязать ей рот, который и впрямь до сих пор был зажат ее ладонью.

– Вы видели это письмо?

– Да, я видела. Но дело не в письме.

– А в чем?

– Я была очень глупой, понимаете? – она задала вопрос, но контакта с Францем не было, не было даже времени, чтобы он что-то ответил, она намеренно не оставила его, она продолжила: – Глупой, маленькой наркоманкой, а еще очень злой, эгоистичной. – Она произносила эти слова с отвращением к самой себе. – Я могла бы сейчас сказать, что я очень любила Карла, и тогда для меня это, пожалуй, и было так, но, стоя уже здесь, сейчас, я скажу, что не любила никого, даже себя, – злость и гнев читались на ее лице.

– За что вы себя так вините? – Франца цепляли за живое такие кричащие эмоции женщины.

– Я ненавидела Карлоту. Он постоянно говорил мне о ней, о своей старшей сестренке. Вспоминал их детство, родителей, описывал мне ее волосы, глаза, губы, сравнивал нас друг с другом.

Бебель перебил ее, это было странно, но он сказал это, чтобы успокоить ее, видя, как ей больно вспоминать все это:

– Но вы знаете, как он издевался над своей сестрой, бил ее, насиловал, прерванные беременности, – он не успел всего перечислить, как Рита произнесла:

– Это все другое.

И Бебель понял, что, возможно, он упустил этот момент, не прочувствовал его, не считал, но в их разговоре появилась та Рита, двадцатилетней давности. И ему ничего не остается, как дать ей договорить.

– Продолжайте, пожалуйста.

– Я ненавидела ее, из-за себя, из-за него, он постоянно подначивал меня, как будто играл с моими чувствами; я заставляла себя думать, что он играет: мне так было проще, на самом деле я знала, что он ее любит. Тяжело быть не той, кем тебя хотят видеть. Тяжело играть эту роль. Делать вид, закрывать на многое глаза, терпеть. А терпеть приходилось очень многое: от физических страданий до моральных. Иногда в постели он называл меня ее именем, намеренно, ему это нравилось.

– Это вы называли адом? – спросил Бебель в появившейся секунде затишья.

– Нет, – как-то неестественно широко улыбнулась женщина, посмотревшая на него глазами, полными слез.

– Мой ад – персональный ад – начался позже, когда его не стало, – Рита стала говорить жестче, – он умер, у него случился передоз. По крайней мере, так известно, а что было на самом деле, я не знаю. Он вышел из комнаты, сказав, что ему нужно дойти до приятеля. Он был плох, ноги ели ходили. Не только в этот день, а вообще: наверное, у него развивалось какое-то заболевание на почве употребления, связанное с костями, потому что в последнее время он постоянно страдал от этого. Жаловался на боли, выворачивающие кости. Он умер. Прошло три дня. Эти три дня я не забуду никогда. Это были дни тишины. Полной тишины. Карл был очень сварлив, ругался на все и на всех, спокойно мы никогда не жили. А тут так резко стало тихо. Его не было слышно, в комнату перестали приходить наркоманы, бандиты. Все затихло. Я никогда не видела и не была в месте тише, чем та комната в эти три дня.

– Что вы делали все эти три дня? – съезившись, спросил Бебель.

– Лежала, просто лежала в грязной кровати на грязных матрасах и простынях, с ночи второго дня у меня началась ломка. Я металась по дому в поисках обезболивающих, денег, хотя бы чего-то, это было мечущее чувство в ломках, когда ты ищешь дозу, но взять ее неоткуда, но кое-что я все же тогда нашла. То, что он хранил от меня, берег ото всех, никогда не показывал, – это были их письма с Карлотой.

– А Карл, как его хоронили, вы были на похоронах?

– Вот об этом я и говорила: мне было не до него, вот она вся любовь. Мне было плохо. И не потому, что он умер. Хотя, когда я увидела его мертвым на улице, я закричала, подбежала, я помню этот момент, но очень быстро тогда ушла: нужно было залечь на дно, – Рита говорила это очень просто, но ей самой было непросто, она осуждала и стыдила себя, это было очень заметно, – такова жизнь наркоманов. Они так живут. – Рита опустила глаза. – Я не знаю, где его похоронили. И кто присутствовал на этих похоронах, если кто-то и был.

Бебель уже сам отвел взгляд: он побоялся, что Рита уловит на его лице какую-нибудь осуждающую интонацию, хотя он и старался оставаться бесстрастным.

– Что было по истечении этих трех дней?

– На пороге появились те самые люди, которых мы так боялись все это время.

– Но зачем, Карл же погиб? – удивился Бебель.

– Им нужны были комнаты, приносящие очень хороший доход в случае, если ими заниматься, а не так, как Карл их запустил. У них на руках оказались документы, которых я никогда раньше не видела. С подписью Карла на окна. Я очень часто предавалась мыслям о том, что же их могло напугать, где они взяли подпись Карла и что, если подпись была не Карла, и явись сюда Карлота, она могла бы это подтвердить? – задумчиво проговорила Рита.

– А с вами? Как они поступили с вами?

– Вы неправильно задаете вопрос, – Рита так странно посмотрела на Бебеля, что он даже смутился, ему на секунду показалось под таким взглядом женщины, что он и вправду будто сказал что-то не то.

– Я убежала прятаться к своим знакомым, но они меня им и сдали. За дело сдали, – тихо добавила Рита, быстро продолжив, как будто не желая заострять на этом внимание. – Меня нашли, мне нужно было сказать, что я ничего не знаю, и просто тихо уйти, но я сделала иной выбор, – неожиданно она обхватила руками лицо и склонилась вниз, издав рев.

– Позвольте, я принесу вам воду, – вскочил Бебель.

Но женщина вытянула руку вперед, тем самым задержав его.

– Не надо, – строго произнесла она; жесткость в голосе, интонациях, была скорее для нее самой, она очень быстро взяла себя в руки и приобрела прежнюю статью, – я не знаю, о чем я тогда подумала...

Как назло, атмосферу приватности, откровенности, нарастающего накала прервал громко раздавшийся телефонный звонок.

Рита нервно сняла трубку:

– Да?

– Не нужно.

– Нет.

– Не сейчас.

– Посмотрите, во сколько запланирован

Бебель даже не слышал реплики Риты, ему уже было достаточно полученных от нее данных. В голове было так много информации, что из-за переизбытка ее Бебель почувствовал, как начал терять связь. Он, зажмурившись, потер ладонями глаза, лоб, попытавшись собраться. Снова открыв глаза, увидел, как Рита что-то быстро печатает на клавиатуре, глядя на монитор компьютера, как будто их диалога до этого и не было вовсе.

– Рита, – аккуратно окликнул ее Франц.

– Ах да, – она и на самом деле как будто даже забыла о его существовании, увлекшись работой.

– Что было потом? – Франц хотел узнать историю полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.